

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Женское начало

«Автор»

Врублевская Г. В.

Женское начало / Г. В. Врублевская — «Автор», — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 978-5-9-524-3802-6

Очень разные обстоятельства формируют в женщине замкнутость и недоступность. Нередко, чтобы отстоять свое "я", ей необходимо проявить и ум, и решительность, и целеустремленность. Но однажды появляется на ее горизонте ОН - любимый! И под напором чувств все выстроенные тобой принципы разлетаются в прах. И начинает править бал Женское начало. В безумном круговороте событий Яна не сразу разглядела в Павле того, с кем ей было суждено пережить немало радостей и печалей...

ISBN 978-5-9-524-3802-6

© Врублевская Г. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	17
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Врублевская

Женское начало

Роман

Часть первая

1

Она жила уединенно: не заводила подруг и сторонилась мужчин, а работала от случая к случаю.

Четыре года назад Яна Ковалевская получила диплом университета и звание математика, но до сих пор пребывала в свободном полете. Частенько с утра она наматывала километры, кружа на велике по старым улочкам Питера, а днем забредала в полупустые музеи техники. Эрмитаж и Русский обходила стороной – в них она отметилась еще в школьные годы и осталась равнодушной к прославленным коллекциям. Зато на выставках новых технологий Яна стала завсегдатаем: компьютер был ее работой и страстью.

К вечеру, с наступлением сумерек, она возвращалась домой. Жила в тихом Фонарном переулке в центре Петербурга, занимала одну из комнат в большой коммунальной квартире на последнем этаже.

Имей Яна склонность к фантазиям, ясными ночами, устроившись на подоконнике, она могла бы разглядывать звезды в небе и грезить о принцах, но вместо этого она спешила к компьютеру. Небо со звездами застывало за спиной, а перед ее глазами оживал экран монитора. Он увлекал своими тайнами. В россыпи чисел и букв отшельница угадывала будущий рисунок алгоритма и подбирала для него коды. Эти ночные бдения поднимали в Яне волны восторга, заменяя все прочие радости. Только к утру она выключала компьютер и отправлялась спать в свою узкую девичью постель. За готовый программный продукт компьютерные боссы платили ей определенные суммы – их вполне хватало на жизнь.

Яна начала работать по разовым контрактам еще студенткой. После защиты диплома, когда отпала надобность ежедневно ходить на лекции и семинары, эта работа стала еще привлекательнее – она давала возможность распоряжаться своим временем. В известные дни, когда тело разламывалось на части и болела голова, Яна и вовсе не вылезала из постели. Где найдется начальник, который будет так щедр, ежемесячно предоставляя сотруднице трехдневный отпуск? И Яна не торопилась впрягаться в ярмо регулярной офисной работы. Но недаром жизнь сравнивают с рекой – мели, пороги и водовороты в ней неизбежны.

Налоговые инспекции занялись выявлением теневых доходов, вследствие чего руководители фирм, опасаясь штрафных санкций, стали отказываться от услуг сторонних работников. И Яна вплотную занялась поисками постоянного места. Она надеялась найти такое, где не придется целый день сидеть в офисе. Однако директора фирм не брали сотрудницу на сокращенный рабочий день, смотрели на кандидата с подозрением: молодая, здоровая (здоровая ли?) женщина без семьи требует особых условий – что-то здесь не так. При этом у выпускницы матмеха даже не завелось трудовой книжки, хотя прошло четыре года, с тех пор, как она закончила университет. Если бы они знали, кем пренебрегают! Яна за два часа могла выполнить объем работ, рассчитанный на полный день!

Летом, пока шли экзамены в институтах, Яна сумела подзаработать репетиторством, однако к осени спрос на эти услуги резко упал.

Теперь она проедала свои скромные накопления, они таяли с катастрофической быстротой. Пересчитав оставшиеся бумажки, Яна поняла, что, если покупать только хлеб и чай, можно протянуть еще дней десять, а что дальше? У соседей в долг не попросишь: отношения с ними напряженные. Соседи осуждали ее и за обособленность, и за отказ в свой черед убирать места общего пользования, хотя она оплачивала уборку одной из женщин. Теперь же и расплатиться было нечем, и ползать с тряпкой по коридору не хотелось. Яну злили эти порядки – от нее и грязи-то никакой: на кухне не бывает, готовит еду в комнате на плитке, белье отдает в прачечную, и гости к ней не ходят. К счастью, придирчивые соседи, занятые дразгами между собой, порой забывали об отшельнице, чем она сейчас беззастенчиво пользовалась.

В тот день, когда Яна проводила свои подсчеты и раздумывала над тем, что ей делать, в квартире случилось переселение народов. Из комнаты, смежной с Яниной, выезжал тихий, неприметный старик, а на его площадь вселялась суетливая, громогласная женщина. Ее окрики и приказы прорывались сквозь топот грузчиков, одновременно вносящих и выносящих мебель, сквозь их незлобивый мат и стуки задеваемых за косяки вещей. Когда Яна выглянула в коридор, увидела, что ноге ступить некуда: обтрепанные чемоданы, старые кофры, коробки, заклеенные скотчем, и тут же современная техника: электрогриль, два телевизора, новый приемник с проигрывающим устройством. Яна пыталась прикинуть, сколько человек теперь будут жить у нее за стеной, с чем ей придется смириться. В тонкой перегородке, разделяющей помещения, как во многих старых квартирах, имелась еще заколоченная дверь, поэтому для звуков препятствий не было. Сможет ли она работать в таких условиях? Так и не получив ответа на этот вопрос, Яна вернулась в свою комнату и заперлась на задвижку, как она делала всегда.

Наступила полночь, шум в коридоре стих, но теперь стуки и скрежет передвигаемой мебели раздавались за стеной. Вдобавок новая соседка молодым задорным голосом напевала куплеты давно позабытой всеми пионерской песни: «Ну, споемте-ка, ребята, бята, бята...». Кажется, пока она была одна.

Нечего было и надеется, что удастся заснуть при этой суете за стеной. Яна пошарила в тумбочке, хотела выудить из ее недр забытую коробку печенья или залежавшиеся конфеты – полки тумбочки были пусты. Есть было нечего, а спать невозможно. Она постучала кулаком в стенку, чтобы намекнуть неугомонной соседке, что время позднее и следует вести себя потише. Пение и скрежеты затихли, но уже в следующий момент раздался стук в дверь Яны. Она неохотно отомкнула задвижку. На пороге стояла новая жиличка: молодая, пухленькая женщина в длинном зеленом халате и алой косынке-бандане на голове.

– Что вы хотите? – не очень дружелюбно спросила Яна, решив сразу обозначить дистанцию. Она знала по опыту: чем ближе сойдешься с жильцами, тем легче потом возникают конфликты.

Но женщина лучезарно улыбалась, не замечая сухого тона.

– Я – Марта! Ваша новая соседка.

– Яна, – держа руки в карманах пижамы, отрекомендовалась хозяйка.

– Как хорошо, что вы еще не спите и позвали меня к себе!

– Я? Позвала? – Яна хотела дать отповедь этой нахалке, но прочитала на ее лице такое простодушие, что не стала этого делать и лишь вздернула плечи.

– Разве нет? А я думала...

Марта, конечно, почувствовала, что ее приходу не рады, но ведь с соседями лучше дружить! Она прикидывала, как выстроить отношения с этой неприветливой девицей. Одета в скучную, темную пижаму, с руками, спрятанными в карманы, Яна была похожа на хулигана из подворотни. Впечатление усиливала смоляная челка, наискосок спадающая на один глаз. Установить с ней контакт при помощи взгляда Марте не удавалось.

– Яночка, пройдем к тебе, – односторонне перешла на «ты» Марта. Попьем чайку. Не возражаешь? У меня комната вся завалена. Столько вещей, прямо жуть. Знаешь, мне все это по наследству досталось, а выбросить жалко. Я у старушки угол снимала и ухаживала за ней, а вот теперь она умерла, а комнату мне оставили. Но соседи в той квартире хотели жить в отдельной, а старик, который здесь жил, им родной дед, а старушка, пока жива была, не соглашалась на переезд...

Яна даже не пытается вникнуть в поток слов. Глядя мимо нее, она едва сумела вставить, что не может предложить чаю, поскольку у нее закончился сахарный песок, а батон она забыла купить. ?в отдельной. Отказ соседки чаевничать Марта пропустила мимо ушей и бочком протиснулась в комнату. Она озиралась с нескрываемым любопытством: как-то здесь голо, неуютно, даже занавесок нет. Марта недавно начала увлекаться модной теорией фэн-шуй, а потому сразу заявила, что все в комнате расставлено не так: диван и письменный стол с компьютером надо бы поменять местами, а тумбочку с электроплиткой и чайником отодвинуть от двери.

Яна слушала молча, никак не реагируя на советы бесцеремонной соседки.

Не получив отклика на свои советы, Марта продолжила расспросы.

– А ты где ешь? На кухне или в комнате? А зачем ты здесь электроплитку держишь? На кухне ведь две газовых плиты имеется. Неужели конфорок не хватает?

– Мне далеко до кухни ходить, да я и не готовлю ничего особенного: чай вскипячу или пельмени сварю, мне достаточно, – скрывая раздражение, ответила Яна. Она не знала, как отделаться от поздней гостьи.

– И мне ведь будет не ближе топать, – задумалась Марта. – Но я без нормального обеда не могу, мне первое, и второе, и десерт нужны. – А как вы думаете, сколько мне лет?

Яна усмехнулась непоследовательности собеседницы и взглянула на нее внимательнее. Круглое лицо соседки было гладким, кожа здоровой и молодой, а зелено-карие глаза казались наивными, добрыми и... странно знакомыми. Но полоска ткани, прячущая ее пышные волосы, изменила старый облик. Портрет, который всплыл сейчас в памяти Яны, был совершенно иной: толстушка с невообразимой копной выющихся рыжеватых волос. А у гостьи голова казалась по-птичьи мелкой из-за алой банданы на волосах. Однако и имя было знакомым, и черты лица проступали те же: слегка курносый нос, округлые дуги бровей и сочные, припухлые губы. Да, это – та самая Марта, пионервожатая ее школьных лет. Теперь Яне не стоило труда посчитать, сколько лет Марте, вожатая была старше на четыре класса. Яна училась в пятом, а Марта тогда была девятиклассницей. Значит, сейчас ей где-то около тридцати.

Но радости от этого узнавания Яна не испытала, и лишь понадеялась, что Марта не вспомнит ее. Ведь и сама Яна изрядно изменилась: в детстве была русоволосой, а теперь брюнетка: начала краситься в университете, да так и ходит поныне. И челки этой на пол-лица у Яны в детстве тоже не было. Но фамилия! Ведь Марта узнает ее от соседей. Яна Ковалевская – сочетание редкое. И, злясь от неизбежной перспективы возвращения к прошлому, Яна вдруг с дерзким вызовом резанула:

– Лет тридцать шесть Вам, верно? Или больше?

Марта поначалу огорчилась, что выглядит старше, но тут же поняла, что в оценке звучит подначка, потому что ее музыкальный слух уловил знакомую ритмику. В памяти вдруг всплыли эти подзабытые нотки противоречия, поспешность и отрывистость высказанных слов – рисунок речи, как отпечаток пальцев, человек пронесит через всю жизнь. Меняется только тембр, но интонации звучат по-прежнему. И человек с хорошим слухом всегда распознает голос, слышанный хоть раз. Но сомнение у Марты оставалось. У той вредной девчонки волосы были чуть темнее лица, а у этой черные, как смоль. Может, крашенные? Ну, разумеется!

– Яночка! Ты меня не узнала? Ты ведь та самая Яна? Ковалевская? Помнишь, в школе... я была в вашем классе вожатой.

– Марта Июльевна! – неумело изображая удивление, протянула Яна. Коверкая на детский лад отчество Марты – Юлиевна. Все ее потуги, остаться неузнанной оказались бесполезными. Придется менять тактику. – Как же я сразу... а вы, а ты, как меня узнала: я же теперь брюнетка. Да и времени прошло – почти двадцать лет.

Яне было неприятно, что вернулась в ее жизнь эта Марта, свидетель позорной поры ее детства. В начальной школе Яна была замарашкой, отвергаемой детьми и нелюбимой учителями, но к окончанию школы она заставила их всех относиться к себе с уважением, благодаря умению решать задачки любой сложности. А в университете ей просто не было равных, она вошла в касту гениев – ум на матмехе принято ценить. Но сейчас появление Марты возвращало Яне все комплексы трудной девочки.

Марта, обрадованная тем, что в квартире у нее уже появился свой человечек, принялась с удвоенной энергией хлопотать о чае.

– Яночка, ты вскипяти воду? Я сейчас принесу из своей комнаты коробку, у меня есть кое-какие припасы на первый случай: и чай, и сахар, и кексы. Специально в одно место сложила, чтобы под рукой было.

Пока Марта ходила за провизией, Яна, включила уже налитый водой электрочайник, свыкаясь с неизбежностью общения с этой «подругой». Марта вернулась быстро, с огромной коробкой в руках. Выложив на тумбочку провизию, подбежала к Яне и крепко обняла ее:

– Яночка, как же я рада, что мы снова встретились. Сейчас ты мне все-все расскажешь!

Уголок рта Яны дернулся, но она промолчала и стала разливать кипяток по чашкам. Марта насыпала себе в чай несколько ложек сахара, затем принялась нарезать принесенный кекс. Яна молча бултыхала в кипяток заварочный пакетик – она пила несладкий чай. Разговор не клеился: тень прошлых обид витала над каждой из девушек. Даже общительная Марта нахмурила свои рыжеватые брови, вспомнив, как Яна, в то время совсем мелюзга, унизила ее, вожатую, перед всем классом. А в Яне вновь шевельнулось раздражение против воображалы, достающей своим занудством.

Одноклассники взрывались хохотом над Яной Ковалевской, когда она блуждала указкой по европейской части карты в поисках сибирской реки. Они шептали ей неправильные подсказки, когда она затруднялась назвать дату каких-то сражений. Но то, как она легко щелкала задачи и примеры, не замечалось ими. Ребята пересказывали вожатой нелепые ответы Яны на уроках, приглашая ее посмеяться вместе с ними. Поэтому долгое время Марта видела в этой девочке лишь нерадивую ученицу, к тому же, не умеющую ладить с коллективом.

У самой Марты также были проблемы с учебой: ей плохо давались и химия, и физика, а математика вообще казалась непроходимым лесом. И часто от двоек Марту спасала только удивительная интуиция: она отвечала наугад и попадала в точку. И все же веселую, общительную Марту в своем классе любили, хотя с мнением ее считались мало. Но ей хотелось верховодить, быть лидером, поэтому Марта и пошла вожатой к пятиклашкам. Малыши слушались ее! Одно звание – «старшеклассница», давало ей фору перед ними. Вбалмошная и веселая, она вбегала на переменках в класс к подшефным, и те радостно висли на ней. Девочки показывали календарики и фантики от жвачек, делились своими секретами, а мальчишки уважали вожатую за то, что разбирается в воинских званиях, приносит в класс лычки и звездочки и раздает им – отец Марты был кадровым военным.

И только одна Яна Ковалевская оставалась равнодушной к любимице ребят. Она не вскакивала с парты, не прислушивалась к объявлениям и призывам вожатой, но часто, оставаясь на месте, демонстративно поворачивалась к ней спиной. Марта бросала на упрямцу досадливый взгляд – с худеньких плеч ученицы часто неряшливо спадали лямки форменного передника или из тощих косичек выплетались перекрученные веревкой ленточки – и испытывала неясную тревогу. Привычным занятием Яны в то время было крутить в руках кубик Рубика. Еще она

любила обводить авторучкой портреты в учебниках, превращая разных деятелей в монстров с нелепыми ушами и усами. Марта не раз делала Яне замечания, внушала, что рисовать в учебниках не положено. Яна сердито бурчала под нос какие-то слова, выражая свое недовольство, однако открыто грубить не осмеливаясь. Но однажды взорвалась – конфликт, тлеющий между младшей и старшей девочками, прорвался наружу. Марта, устав воздействовать на непокорную словами, выдернула авторучку из руки Яны и воскликнула:

– Прекрати портить книгу! Немедленно закрой учебник!

Яна швырнула книжку на пол, вскочила с места и тоже закричала:

– Дура! Воображала! Строишь из себя учительницу, а ты просто двоечница!

– Прекрати! Сейчас же прекрати грубить!

– Я правду сказала! Я слышала в коридоре, как учительница математики говорила, что влепит тебе двойку в полугодии, если ты не перепишешь контрольную работу.

Марта покраснела и растерялась: действительно, такой разговор у них с математичкой имел место. Пятиклассники с интересом, а некоторые со злорадством смотрели на свою вожаку. Дети жестоки и легко присоединяются к насмешникам, когда те одерживают верх.

– Двоечница! Двоечница! – завопили мальчишки, забыв о доброте вожакой, дарящей им значки.

Вскоре весь класс завелся, дети бесились и куролесили, скакали по партам, и лишь одна Яна снова тихо сидела на своем месте, покручивая цветные грани кубика Рубика.

Шумная неразбериха в классном помещении привлекла внимание проходящего – мимо завуча. И вот уже ее резкие окрики, перекрывая общий гвалт, полетели над головами учеников:

– Что здесь происходит? Что за гам? Тишина! Ти-и-ха!!! Сергеев, Поляков, слезьте с парты! Ковалевская, встать, когда учитель входит!

Класс затих. Завуч наконец заметила Марту, стоявшую у окна, и обратилась к ней:

– Марта, на перемене классное помещение надо проветривать. Выведи ребят в рекреацию и там работай с ними.

Разбираться в причинах бузы завучу было недосуг – следующий час у нее был занят со старшеклассниками, и она торопилась в учительскую за журналом.

Марта воспользовалась паузой и, чтобы восстановить свой пошатнувшийся авторитет, повторяя интонации завуча, произнесла:

– Ковалевская, после уроков жди меня у раздевалки. Пойдем разговаривать к твоим родителям!

Марта понимала, что не может, как настоящая учительница, вызвать родителей в школу, но имеет право – нагрянуть домой к ученице.

Яна насупила брови и сморщила нос, но в присутствии завуча не посмела огрызаться.

В сегодняшней Яне просматривалось то же странное недовольство, что и прежде. Она разломала принесенный Мартой кекс и с безразличностью разглядывала начинку, будто сомневалась в ее съедобности.

– Что, начинки маловато? – вынырнув из воспоминаний, поинтересовалась Марта.

– Я не люблю повидло, а здесь его натолкали сверх меры.

– А ты, я гляжу, привереда. По мне – так даже вкусно. погоди, я распакуюсь, расставлю все по местам, и испеку тебе пирог с капустой. Или ты с мясом больше любишь?

«Свалилась соседка на мою голову, снова воспитывать начинает. Ну теперь-то я сумею дать ей отпор», – с досадой подумала Яна и запила приторный кекс горьковатым чаем.

Но в те далекие уже годы Яна испугалась угрозы Марты прийти к ней домой и поговорить с родителями. Впрочем, родителей у нее не было – их заменяла тетя.

Яна дожидалась Марту в вестибюле, сидела одна на составленных в блок пяти стульях. Она раздумывала, как вывернуться из ситуации: если вожатая нажалуется тетке, ей влетит – авторучка в ее пальцах машинально обводила контур очередной картинки в учебнике.

– Ты опять книжку портишь? – Марта появилась неожиданно.

Яна упрямо обвела чернилами облако на схеме круговорота воды в природе.

Марта, глядя сверху на склоненную голову девочки, на ее русые волосы, заплетенные в две косички и разделенные прямым пробором, увидела вдруг на ее висках два ряда серебристых штрихов – заколок-невидимок.

– Зачем тебе столько заколок? – удивилась вожатая. И, присмотревшись внимательнее, сообразила. – О! Да ты челку заколола! Зачем?

– Тетя велела. Ругается за то, что я без спроса ее выстригла.

– А для чего тебе челка? Хочешь быть красивой?

– Вовсе нет! Можно я пойду одеваться?

Школьницы вышли на улицу. Яна семенила рядом с вожатой, не осмеливаясь попросить, чтобы та не жаловалась тете. Она ведь правду сказала про двойки у Марты, потому извиняться было глупо. На Яне было страшненькое, великоватое ей пальто, явно с чужого плеча – выглядела она в нем столь убого, что Марта перестала сердиться и даже пожалела дерзкую девчонку.

– Это пальто тебе от сестры перешло? – с участием спросила она.

– Ты имеешь ввиду, откуда у меня этот футляр? – презрительно усмехнулась Яна, недавно прочитавшая рассказ Чехова. – Соседка отдала старое пальто, а тетя перешила. Очень заметно, что оно велико?

– Вполне нарядное пальто, – тут же sluкавила Марта. И во второй раз услышав упоминание о тете, любопытствовала: – А мама твоя где, болеет?

– Мамачка умерла, когда мне было шесть лет.

– И папы тоже нет? – уже уверенная в ответе спросила Марта.

– Нет.

Поняв, что в семье девочки сложная обстановка, Марта спросила, не будет ли тетя ругаться на то, что девочка задержалась после уроков. Яна ответила, что тетка в любом случае найдет, к чему придраться.

И в этот момент Яна решила на покаяние: теребя пуговицу своего мрачного пальто, она тихо сказала:

– Марта, я больше не буду.

– Что не будешь? – Марта не сразу поняла, что девочка просит прощения.

– Ну, обзывать тебя двоечницей. Не ходи к тете. Пожалуйста.

– Ты больше не будешь?! И что из этого? Все равно теперь все узнали, что я плохо успеваю по математике.

– Но это же так просто – математика!

– Это у вас просто, в пятом классе. Я тогда, помню, даже четверки иногда получала, а двоек почти не было.

– Пожалуй, и я не смогла бы задачу за девятый класс решить, – важно согласилась Яна.

И хотя обида за Янину выходку еще терзала Марту, она сказала:

– Ладно, забудем. Пошли прогуляемся.

Школа стояла на выигрышном месте – находилась на углу Фонарного и набережной Мойки. А вокруг было много тихих улочек, и каждая интересна по-своему. Девочки бесцельно брели по тротуарам. Была ранняя весна, в тени подворотен еще лежали серые, пористые лепешки снега, но небо уже светилось яркой синевой. От водосточных труб, пересекая узкие тротуары, бежали на проезжую часть веселые ручейки. Девочки вместе перепрыгивали неровные струйки и напряжение между ними постепенно таяло.

Пройдя малыми улочками, они вышли на оживленный Вознесенский проспект, тогда еще он назывался – Майорова, и спустились в маленький подвальчик, где была грязноватая пирожковая. Марта угощала: черствые пирожки и мутный кофе из бачка показались Яне царским обедом. Она заметно повеселела, смеялась и болтала, как все дети ее возраста, но, едва девочки вышли на улицу, Яна вновь насупилась. И причиной этому оказалась колонна бегунов, продвигающаяся по Вознесенскому проспекту.

Девочки остановились поглазеть на забег. Участок улицы, где они стояли, смыкался с Исаакиевской площадью, являющей собой почти географический центр города. Он же завершал правительственную магистраль – сейчас она была трассой многокилометрового марафона. До финиша оставались считанные метры, изможденные длинной дистанцией спортсмены бежали из последних сил, однако близость цели давала им второе дыхание: они поднимали головы, ускоряли шаг. Яна с Мартой стояли на краю тротуара, среди других зевак. Мускулистые, пропахшие потом бегуны с белыми заплатами-номера на майках были редкостным зрелищем на улице, Марта громко восхищалась ими. Но Яна с неожиданным озлоблением пробурчала:

– Несутся, как лошади.

И вдруг она с детским проворством выскочила на проезжую часть и выставила свою маленькую ножку в расхлябанном сапожке наперерез спортсмену, бегущему ближе других к тротуару.

Парень споткнулся, чуть не упал, но в последний миг удержал равновесие. Однако темп его был сбит, и он сразу отстал на несколько шагов от соседей по шеренге.

Марта схватила Яну за рукав мешковатого пальто и оттянула вглубь тротуара.

– Зачем ты так? Ты ведь пионерка! Зачем ты помешала бегуну?

– А чего он?

– Ты его знаешь? Он обидел тебя?

– Я их всех ненавижу. Все физкультурники сволочи.

Фраза в устах девочки звучала так пародийно по-взрослому, что Марта уточнила:

– Постой-постой! Почему ты так думаешь?

Яна помолчала, затем глухим голосом выдавила:

– Тетя говорила, что мой папаша сволочь и физкультурник, поэтому бросил нас с мамочкой. Он даже на ее похороны не приехал и про меня ни разу не вспомнил.

Марта, не зная, как реагировать на откровения девочки, спросила:

– Ну а сама ты ладишь со спортом? Катаешься на коньках, велосипеде?

– Тетя считает, что девочкам вредно ездить на велосипеде. Я просила. И коньков у меня нет.

– Все-таки зря ты помешала бегуну. Развитие физической культуры – государственная задача, наши лучшие спортсмены высоко несут честь Советского спорта в мире.

Марта говорила цитатами из постановлений партии и правительства, выученными наизусть на уроках обществоведения, ведь она собиралась поступать на гуманитарный факультет. Яна слушала ее воспитательные тирады и выражала недовольство молчаливыми гримасами.

Когда девочки подошли к дому Яны в Фонарном переулке, Марта пообещала, что не будет жаловаться на подшефную тете.

Семья Яны проживала тогда в служебной квартире, расположенной в полуподвале. Окно их длинной, похожей на вагон комнаты, было вровень с асфальтом, и ребенок, стоя у окна и вытянув голову, мог видеть только ноги прохожих. Лишь спустя годы, когда подвалы начали обустраивать под магазины и офисы, жильцов переселили. Яна с тетей получили комнату на последнем этаже, с чудесным окном, глядящем в небо. Комнату, в которой Яна жила сейчас.

Тогда, напросившись в гости к Яне, Марта впервые увидела этот кошмар. Мрачноватая, разделенная шкафом комната, походила на длинный вагон. При входе, в полутьме, стояли секретер и диванчик Яны, в дальнем конце за шкафом была половина взрослых. На широкую тахту даже попадал неяркий свет из низкого окошка. Яна пояснила, что на тахте спят тетя Тамара и Карабас – так девочка назвала мужа тети. Цветастый халат из атласа и линялые трикотажные брюки валялись на разобранной постели, поджидая хозяев. Рядом в уголке притулилось старое трюмо с узким столиком под ним. На столешнице лежали тюбики с кремом и помадой, бигуди, клипсы, заколки и кулоны. Марта протянула руку к помаде, но Яна судорожно схватила ее за запястье:

– Марта, не трогай, пожалуйста.

– Да что тут такого? Я же не собираюсь красть эти вещи, только посмотрю, какого цвета помада, и положу на место.

Яна почти повисла на руке вожатой, защищая сокровища тети.

– Вот странная, неужели сама у тетки в бижутерии не копаешься?

– Нет.

Яна отпустила руку Марты и тут же расплакалась. История, которую она силилась забыть, вновь ожила в памяти.

Это случилось несколько дней назад. Когда Яна вернулась из школы, все еще были на работе. Яна любила эти часы одиночества. Нередко она примеряла теткину бижутерию или мерила ее платья – ей хотелось наряжаться! Если бы мама была жива, ей бы не пришлось ходить в чужих обносах. В тот день, присев у теткиного трюмо, Яна осмелела и выстригла себе челку, потом прицепила блестящие клипсы на уши, повесила на шею синие стеклянные бусы. Наконец, взяв тюбик помады, несмело провела по губам – получилось не слишком ровно, но показалось – красиво. Пудру и тушь она трогать не стала, но румянами помазала щеки. Теперь она еще больше понравилась себе. Яна походила по комнате, затем открыла шкаф, в котором висели тетнины платья. Ей давно хотелось примерить самое яркое, с алыми маками. Если подвязать его пояском на талии, оно и болтаться на ней не будет. Едва она скинула свой халатик, оставшись в одних трусиках и растянутой майке, как дверь распахнулась, и в комнату вошел Карабас – почему-то он вернулся с работы раньше времени и был в подпитии. Яна мгновенно обхватила свою грудь руками, хотя прикрывать девочке еще было нечего. Дядька заметил ее жест и усмехнулся, потом разглядел раскрашенное личико и бусы на шее приемыша. Постукивая носком ноги по полу, проговорил:

– Так-так! Вот как ты тут без нас хозяйничаешь! А ты знаешь, что нельзя брать без проса чужие вещи? А, Яночка-путаночка?

Последнее слово было ей незнакомо и, хотя прозвучало ласково, испугало Яну какой-то недосказанностью. Она прижалась к стенке, под румянами щеки ее побелели от испуга. Будет бить? Или все расскажет тетке, и та накажет сама?

Карабас подошел ближе, положил свою ладонь на голову девочки, потрепал волосы:

– Мы и челочку себе выстригли, да? Совсем красивая девочка стала! А ну-ка, дай я посмотрю на тебя как следует.

Сжав обеими руками Яну у голых подмышек, он приподнял ее и поставил на супружескую тахту. Пружины качнулись под ее ногами, Яна чуть не потеряла равновесия, но Карабас подхватил ее снова, на этот раз на уровне бедер. В следующий момент он неожиданно присел и рывком разведя ноги девочки в стороны, посадил ее к себе на колени. Яна в ужасе замерла. Карабас прижимался к ней все сильнее, и Яна со страхом ощущала, что нечто твердое, похожее на горлышко бутылки, вдавливается ей в живот.

Она не понимала, что происходит, но чувствовала, что грядет нечто ужасное.

– Пусти, пусти, гад! – Яна замахала руками и стала колошматить Карабаса по стриженной под машинку голове.

Соппротивление ребенка вызвало еще больше энтузиазма у подлеца, и он повалился вместе с девочкой на тахту. Нитка бус на ее шее разорвалась – и синие шарики посыпались на тахту и на пол, гулко подпрыгивая.

– Не бей меня, дядя! – еще громче закричала Яна, заметив, что он расстегивает ремень на брюках. – Я не буду больше брать тетину помаду.

Карабас зажал ладонью рот девочки – за стенкой соседи могли услышать ее крики – и сдавленным голосом прошипел:

– Заткнись, дура! Я не сделаю тебе больно.

В этот момент в окошко, со стороны улицы постучали. Насильник отпрянул от жертвы и мгновенно принял вертикальное положение: звериное чутье его опережало мысли.

Виновницей переполоха стала сама хозяйка. Поскольку тетя Яны работала техником ЖЭКа, нередко пробегала мимо своего дома в рабочие часы. Вот и сейчас она спешила по делам – в одной из квартир надо было составить акт о протечке – когда ее внимание привлекли крики, доносящиеся из окна собственной комнаты! Она остановилась, склонилась к форточке, но разглядеть сквозь плотный тюль происходящее в комнате было невозможно. Чтобы приструнить свою непутевую родню, она постучала по стеклу.

– Вы, чего там бузите, черти? Сейчас приду, задам вам перца!

Пока жена, огибая подворотню и проходя двором, добиралась до их полуподвала, Карабас успел привести свою одежду в порядок, а Яну поставить на колени, лицом в угол. Когда хозяйка вошла в комнату, он заставил наказанную развернуться:

– Посмотри, ё-моё, как размалевалась наша принцесса. И бусы твои раскурочила. Я ей тут уже всыпал, чтобы неповадно было лазать по чужим ящикам.

Яна с зареванным и испачканным красками лицом хмуро уставилась в пол. Тетка с яростью накинулась на племянницу и оттаскала ее за волосы, с особенным изуверством дергая за выстриженную челку.

С этого дня Яна на долгие годы возненавидела косметику.

Все это она тогда рассказала Марте, первому человеку, с которым решилась поделиться своим горем.

– Что же ты тете все не объяснила? Ты же понимаешь, что твой Карабас хотел! – воскликнула Марта.

– Нет, он ничего не хотел. Просто попугал меня, я знаю. Я же сама виновата, что тетину помаду и румяна взяла.

– Ну, если он снова будет к тебе приставать, ты мне скажи. Я ему вправлю мозги, – пригрозила Марта.

– Хорошо. А хочешь посмотреть, что у меня есть? – Яне было больно продолжать разговор о Карабасе.

Она увела Марту в темный угол при входе, где стоял секретер. На его полке вперемешку с учебниками лежало несколько головоломок: какие-то сплетенные между собой кольца, витиеватые, вытянутые змейкой пирамидки. Яна вытащила из школьной сумки кубик Рубика и поставила туда же. Других игрушек там не было. Еще Марта заметила потрепанное пособие по разгадыванию ребусов и шарад. Она сразу заинтересовалась книжкой, подумав, что из нее можно было бы взять задания для викторин. Пролистывая страницы книжки, Марта увидела, что они тоже обезображены чернильными записями и обводами.

– Все же не могу понять, почему ты рисуешь в книжках? – теперь Марта смотрела на Яну не столько с осуждением, сколько с любопытством.

– Но это же моя книга! Полностью моя! Что хочу, то и делаю с ней! – Яна определенно не чувствовала в своих действиях вины.

И вдруг Марта, хоть и была еще подростком, уловила в протесте Яны что-то такое, что невозможно было осознать в ее возрасте. Она вдруг поняла, что Яна, не имеющая ни детского уголка, ни нормальных игрушек, все-таки стремится иметь собственный мир. Такой мир, в котором можно жить, что-то переделывать, выстраивать свое.

– А у тебя есть тайные сокровища? – по-девчоночьи спросила Марта. – Коробка с открытками или какие-нибудь стеклышки, камушки?

– Нет, больше ничего нет. Тетя говорит, что у нас и так тесно. У меня была коллекция календариков, но она их на помойку выбросила.

– А от мамы что-нибудь на память осталось?

– Только кубик Рубика. Жаль, что цветные квадратики от него отклеиваются. Но я их и так помню. А больше ничего. Мы ведь с ней в деревне жили, там все и осталось. Маму туда после университета послали, она учительницей была, математике учила. Тетя ее не любит, дурехой называет. Говорит, что мамочка только и знала, что книжки почитать, а практической жизни не понимала.

Тетя, даже в описании Яны, не любящей свою опекуницу, казалась женщиной деятельной и разумной. Она рано начала работать, по вечерам училась в коммунальном техникуме и в итоге устроилась в жилконтору – за что ей и выделили эту комнату в полуподвале. Она была старше сестры на десять лет и тянула младшую, когда та училась в университете. Обе имели питерские корни, но семья потеряла жилплощадь в блокаду, выехав в эвакуацию.

– А про отца тетя что-нибудь рассказывала? Ты его видела когда-нибудь? – поинтересовалась Марта.

– Он приезжал к нам в деревню. Только я еще маленькая была, ничего не запомнила, кроме того, как на плечах у него сидела. Страшно так, высоко. Тетя говорит, что он спортсмен безмозглый, ребенка сделал и дал деру, – затем Яна понизила голос и шепотом, будто ее могли услышать посторонние, добавила. – У меня грамота его спортивная есть, хочешь, покажу?

Яна пошарила рукой на своей полочке, позади учебников, и достала шероховатую желтую картонку. У верхнего края грамоты полыхали красным знамена, обрамляя профиль Ленина, а в центре грамоты после слова «награждается» значились фамилия и имя спортсмена: Станислав Ковалевский. Награждался спортсмен Ковалевский за третье место в классическом пятиборье в соревнованиях, посвященных годовщине Октябрьской революции.

– Третье место – ведь тоже хорошо! – с гордостью сказала Яна. – Пятиборье такое трудное. Там и бегать, и плавать, и стрелять надо уметь. Я забыла, мне мама рассказывала, что там четвертое и пятое?

– Конный спорт и фехтование, – подсказала Марта.

– Это все, что я про папу знаю, – закончила рассказ Яна.

Впоследствии Марте довелось навеститься к Яне еще не раз и даже познакомиться с тетей и ее мужем. Кое-что в их отношениях Марта разгадала сама, а их семейные тайны приоткрыли соседи.

Тамара Семеновна облик имела начальственный: плотное сложение, хороший рост, громкий голос. Она была уже в годах, но отчаянно молодилась, красила волосы хной в ярко рыжий цвет. Со своим новым мужем, прозванным племянницей Карабасом, она познакомилась по переписке, когда тот отбывал срок в колонии. Порекомендовала жениха – своего брата – одна из дворничих. Расписала, что он трезвенник, поскольку страдает, мол, язвой и сел, якобы, по оговору. Потом, когда этот трезвенник вышел на волю и женился на Тамаре Семеновне, вселившись на ее площадь, всю его эпистолярную нежность разом смыло. Да и трезвенником он оказался относительным: случались у него пьяные загулы. В такие дни Карабас становился

особенно агрессивным. Присутствие девочки злило его и возбуждало одновременно. Однако он вынужденно проявлял осмотрительность, чтобы повторно не загреметь в тюрьму, да еще по скверной статье. К тому же, в коммунальной квартире было невозможно скрыться от ушей соседей и от их любопытства. Но оплеухи и затрещины Карабас криминалом не считал и почти ежедневно награждал ими ребенка. Угроза насилия постоянно витала над Яной.

И хотя Карабас не имел бороды, как злой сказочный персонаж, выглядел он устрашающе. У него были шишковатая, наголо стриженная голова, низкий лоб, слегка раскосые, хитроватые глаза и сплюснутая переносица. После освобождения он работал подсобным рабочим на стройке.

Марта пробовала завести разговор с ним и с тетей, что неплохо бы пристроить Яну в какой-нибудь кружок или давать ей хотя бы деньги на кино – да где там! Тетка оборвала невесть откуда взявшуюся девицу, заявила, чтобы та не совалась в чужие дела, а Карабас вовсе проигнорировал ее слова, молча повернулся спиной и закурил. Курил он прямо в комнате, выпуская дым в форточку под ноги прохожим.

Марта, как умела, старалась помочь Яне, вовлечь ее в общественную жизнь, но девочка оказалась трудной, воспитанию не поддавалась. После случайного приступа откровенности, когда пожаловалась Марте на дядьку, Яна вновь держалась волчонком, близко к себе не подпускала. Любить людей Яна не научилась, а уважать Марту не могла, поскольку старшеклассница, получающая двойки по математике, авторитета у нее не имела. Тем временем сама она стала успевать лучше и в новом учебном году почти избавилась от троек. Только на уроках физкультуры неловкая, угловатая Яна по-прежнему чувствовала себя неуверенно. А любимым ее предметом оставалась математика, и единственным увлечением – разгадывание головоломок.

В конце концов донельзя скованную ученицу, не способную даже пройти по бревну, записали в коррекционную группу здоровья. Здесь Яна телесно раскрепостилась и не только улучшила свою физическую форму, но и впервые обрела подругу. Ею стала тихая, болезненная Катя, долгое время жившая в лесном санатории и лишь недавно вернувшаяся в городскую школу. Катя была старше Яны, но, пропустив по болезни два учебных года, занималась с нею в одном классе, она очень уважала Яну за ее успехи в математике. В свою очередь и ей было чем поделиться с Яной – Катя была сведуща в живописи, искусстве, и даже имела определенный опыт романтических отношений: она уже целовалась с мальчиком во время пребывания в санатории. Дружба сохранилась и в их взрослой жизни.

Яна закончила школу вполне уверенным в себе человеком, получила серебряную медаль. Но Марта не застала ее триумфа, поскольку уехала вместе с родителями из города намного раньше.

Ее отец был военным, и его перевели на другое место службы, в далеком селении Марта и заканчивала школу. Поскольку способностями девушка никогда не блистала, поступить в институт у нее шансов почти не было. Однако Марта вновь приехала в Ленинград, подала документы в педагогический и с треском провалилась. Позднее она еще дважды безуспешно пыталась преодолеть барьер вступительных экзаменов. Но Марта не унывала. Она пооканчивала разные курсы и сменяла несколько мест работы, в поисках интеллигентной, в ее представлении, профессии.

После долгих метаний Марта смогла устроиться секретарем в школу, и эта работа ей очень нравилась: всегда на виду, всегда на людях. А главное: секретарь – уважаемый человек в школе!

Марта и Яна, разойдясь по жизни, не вспоминали друг друга и не знали, как складывалась судьба каждой из них. И сейчас между ними не возникло теплоты.

После незначущих реплик о чае, кексе и сахаре соседки заговорили о квартирах и ценах на них.

– Так ты выкупила эту комнату? Дорого обошлось? – спросила Яна.

– Ты ничего не слушаешь! Я же говорила: почти бесплатно. Я одной старушке помогала, и та перед смертью мне свою комнату завещала. Но там была квартира с «подселенцем» и...

– А-а. Ну, да, – припомнила Яна объяснения Марты.

Потом перекинулись сведениями о семейном положении. Обе женщины оказались одиноки. Марта была разведенной – успела выйти замуж и развестись между поступлениями в институт, а Яна сказала, что вообще не собирается замуж.

– А что так? – удивилась Марта.

– Расскажу при случае, – нахмурила брови Яна. – Меня сейчас работа беспокоит. Я прежде на разовых контрактах жила, а теперь обстановка изменилась, надо что-то постоянное искать. Программисты требуются, но целый день в конторе сидеть – это не для меня: я могу любую программу за три часа написать, а потом, что за других ищачить?

– Слушай! Какая удача! А нам в школу учитель информатики требуется! Всего на двадцать часов в неделю! У нас был один, но ушел. Платят у нас мало.

– Это ерунда! Если у меня свободное время будет, я всегда смогу подработать. Но идти в школу?! Учить кретинов и разгильдяев? Никогда об этом не думала.

– А ты подумай! Когда надумаешь, скажи. Я директрисе сообщу. Только не тяни с решением, а то уплывет вакансия. Одна пенсионерка уже наведывалась, только наша директриса молодого преподавателя хочет. И так средний возраст учителей зашкаливает.

За окном на улице разом потемнело – освещение в городе выключалось в два часа ночи. Время за разговором пробежало незаметно. Яна спохватилась: не слишком ли она близко допустила к себе Марту, а ну как соседка начнет докучать. Марта, напротив, встречей осталась довольна – и сегодня разговор душевный получился, и впредь будет с кем вечерами поболтать.

– Ну, я пойду. Как удачно, что мы в одной квартире оказались! Я же, когда приезжала сюда, смотреть комнату, толком не разобралась, что за народ живет в квартире. Все-таки, Яна, ты подумай насчет перестановки мебели, а то энергия Ци неверно идет. Если кровать перенести в дальний угол, то...

– Не грузись, Марта. У тебя есть своя комната, там и двигай, что хочешь. Я в эти глупости не верю, – отмахнулась Яна.

– И напрасно.

2

Яна могла оттягивать принятие решения, но если принимала его, уже не сворачивала с намеченного пути. Пусть будет школа!

Моросил мелкий осенний дождик, но петербуржцы, привычные к капризам погоды, не обращали на него внимания. Старики спокойно шествовали под зонтами; молодые, подставляя лицо едва видимым брызгам, быстрыми перебежками достигали метро или места своей работы. Яна, натянув на голову капюшон черной непромокаемой куртки, в плотных джинсах и кроссовках, почти солдатским шагом спешила на собеседование. Ее длинная челка намокла под каплями моросящего дождя, еще больше почернела и прилипла ко лбу, как нарисованная. В таком виде девушка предстала перед директрисой.

Осанистая дама опытным взглядом школьного администратора осмотрела соискательницу с головы до пят. Шумно выдохнув, директриса покачала головой: явное не то. Девушка даже в помещении не сняла куртку, так и сидела на краешке стула с наглухо застегнутым высоким воротом, только откинула назад капюшон. В ней не чувствовалось робости или волнения, но за показным равнодушием просматривалось едва скрываемое высокомерие. Будь у директрисы выбор, она и разговаривать не стала бы с такой маргинальной личностью – одна челка на пол-лица чего стоит! Но заканчивалась первая четверть, а школа никак не могла найти учителя информатики: старшее поколение учителей еще не освоилось с компьютером, а молодежь не шла на низкую зарплату.

Директриса подалась вперед, оперлась бюстом на край стола, снова просмотрела документы кандидатки: диплом с отличием об окончании госуниверситета, питерская прописка... не замужем. Однако ничем не подтверждены ее слова о предыдущей работе. Что привело девицу в школу? А вдруг наркоманка или психбольная? Среди слишком умных такие встречаются! Впрочем, нет: приложены справки из диспансеров, нигде на учете не состоит. Секретарь Марта Юльевна, рекомендующая девушку, предупредила ее, что для школы они необходимы. Она же и ручалась, что предмет Ковалевская знает превосходно.

Директриса попыталась выяснить мотивацию соискательницы:

– Янина Станиславовна, вы любите детей?

– Не знаю. Я с ними не имела дела. Но мне нужна работа.

– У вас нет трудовой книжки...

– Сейчас многие так работают. Но я думаю, мне пора завести ее, поэтому я и пришла к вам устраиваться.

– С вашим дипломом можно найти и более высокооплачиваемую работу.

– Я не гонюсь за деньгами.

– Вам помогают родители? Родственники?

– Я живу одна.

– Вы полагаете, что справитесь с преподаванием?

– Я справляюсь с любыми задачами.

За лаконичными ответами соискательницы директриса улавливала почти неприкрытую дерзость: предмет не вела, с детьми не работала, но гонора хоть отбавляй. Она все больше склонялась, чтобы отказать ей в работе:

– Вы так уверены в себе? Ведь в работе учителя много подводных камней!

Яна растерялась, вдруг поняв, что директриса имеет полное право отказать ей, не имеющей опыта преподавания. И уже с меньшей уверенностью произнесла:

– У меня мама работала учителем математики, а я имею опыт репетиторских занятий.

Упоминание о матери, заинтересовало директрису. Она стала выпытывать, в какой школе работала коллега, в какие годы. Однако узнав, как давно это было, как рано девушка потеряла

мать, руководительница снова разочаровалась: о сознательном выборе, о преемственности профессии говорить не приходится. И все же каким-то невероятным образом после этих откровений девушка стала ей ближе: в административном работнике пробудилось подобие материнских чувств: взгляд директрисы потеплел, тон стал мягче:

– Что ж, Янина Станиславовна, рискну, дам вам шанс попробовать себя на тернистом пути просвещения. Только обещайте мне...

– Я ничего обещать не буду, – не слишком вежливо перебила ее Яна, понимая, что, возможно, рубит сук под собой. – Я давно вышла из возраста, в котором дают обещания.

Директриса от неожиданности поперхнулась слюной и закашлялась. А, придя в себя, уже привычным административным тоном высказала свое требование:

– В школе существует dress-код, Янина Станиславовна. Вы можете ходить в строгом брючном костюме, но никак не в джинсах и кроссовках. И, пожалуйста, подкоротите челку: ученики должны видеть ваши глаза. А сейчас я попрошу Марту Юльевну открыть вам кабинет информатики, чтобы вы осмотрели технику. Потом вернетесь ко мне, я дам вам методичку по вашему предмету, и мы обсудим с вами учебный план. Все ясно?

Марта, сидя в приемной, прислушивалась к разговору в директорском кабинете, и очень испугалась, когда Яна стала перечить директрисе. Хорошо, что все обошлось. Потом, следуя приказу директрисы, Марта провела Яну по школьным коридором и продемонстрировала ей школьный кабинет информатики. Яна кинула быстрый взгляд на компьютеры, с досадой покачала головой: так и думала, машины старого поколения. Однако, учить можно и на них, тем более, что они были ей хорошо знакомы по университету. Яна потрогала доску, поверхность ее была истертая, на таком бледном фоне ребята ничего не увидят, придется рисовать плакаты. В остальном – кабинет как кабинет: столы на два человека, но и компьютеров стоит по два. В ее время толпились у одной машины впятером, пытались разглядеть что-либо на дисплее из-за чужих спин.

Марта, одетая в длинную зеленую кофту собственной вязки и в черную юбку, выглядела подобающе строго, как того требовала директриса, но вела себя несерьезно. Она мешала Яне осматривать кабинет, беспрерывно болтала: сплетничала о директрисе, о конфликтах между учителями, о группах и коалициях в коллективе. Яна не поддерживала этот разговор и надеялась, что сумеет отгородиться от всего, не имеющего прямого отношения к работе, полагала, что поможет опыт проживания в коммунальной квартире. Она не станет вступать ни в какие коалиции. Будет просто работать, учить детей азам информатики.

Марта заметила наконец, что разговор о школьных интригах не интересует Яну, и с легкостью переменяла тему. Сообщила ей, что уже два месяца посещает вечерами фитнес-клуб, и пригласила Яну составить ей компанию прямо сегодня:

– У нас там есть инструктор Паша – такой душка! Со всеми внимателен, к каждому свой подходец имеет. И сложен как Аполлон! Только лицом немного не вышел, простоватая физия, как у меня, одна улыбка и красит его. Мы с ним, вроде бы, ровесники. Пойдем! Я тебе денег на абонемент в долг дам.

Но даже приманка в виде душки-инструктора не заинтересовала Яну, она сказала, что вечером начнет готовить план занятий. Марте пришлось отступить.

Вернувшись в кабинет директрисы, Яна получила новые наставления, и тут же была отправлена к кадровичке на оформление. Через приемную проскользнула незамеченной – Марта увлеклась разговором со старшеклассницей. Секретарша выкладывала ученице последнюю новость: в школе появилась новая учительница информатики, умная до жути, и очень строгая. Она, мол, даст вам всем прикурить!

Женщине не обязательно блистать умом, чтобы нравиться мужчине, но чтобы удержать его, требуется определенный рассудок. Марта не умела рассчитать хотя бы на шаг вперед свои действия, потому мужчины не задерживались рядом с ней. Однако она наивно полагала, что все дело в недостатках ее фигуры и заурядном лице. С лицом она ничего поделать не могла, но стать стройнее казалось достижимым, и Марта истязала себя тренировками в фитнес-клубе, не получая от них удовольствия.

Инструктор Паша весело гонял своих дамочек на тренажерах: одних заставлял живее крутить педали велотренажера, других – ускорить бег по ускользающей из-под ног дорожке, третьих – усерднее поднимать гантели. Замучив группу до полусмерти, Паша наконец объявил, что занятие окончено. Марта была довольна собой: может, она все же скинет несколько килограммов! Она приняла душ, облачилась в кофту и юбку, напялила кепку-бейсболку – Марта полагала, что головные уборы придают ей шарм и одновременно защищают от невидимых злых сил. В таком экстравагантном виде она вышла в комнату отдыха, из-за обилия растений похожую на оранжерею. Здесь же находился и мини-бар: несколько столиков, стеклянный холодильник, заставленный баночками безалкогольных напитков, торговый автомат с чаем и кофе, и еще один – со сникерсами. Более основательной еды здесь не имелось: если борешься с весом, надо подумать и о диете. Но Марта пренебрегала ею. Положив перед собой три батончика сникерсов, она жевала четвертый, уже распакованный, запивая его зеленым чаем.

Неожиданно к Марте за столик подсел Павел: крепкие бицепсы его выгодно подчеркивались открытой майкой, через шею было перекинута свежее белое полотенце. Он пожелал ей приятного аппетита. Марта запоздало прикрыла припасенные сникерсы рукой, опасаясь, что получит от инструктора нагоняй. Но Павел лишь укоризненно покачал головой, и неожиданно заговорил на другую тему:

– Марта, ты ведь не бизнес-вумен и не жена нового русского? Как у тебя с деньгами?

Полагая, что Павел хочет попросить у нее в долг, она, поколебавшись, ответила:

– Я работаю в школе, оклад скромный, но есть кое-какие сбережения. Тебе сколько требуется? – с достоинством ответила Марта, украдкой вытирая рукой губы.

– Ну, что ты! У меня к тебе другая просьба. Понимаешь, у меня в следующее воскресенье день рождения...

– Поздравляю.

– Не в этом дело, я хотел тебя пригласить... – Павел теребил концы своего полотенца, висящего на шее, однако смотрел прямо на Марту.

Она вспыхнула: «Боже, неужели я ему понравилась! Такому мужику! Но почему он завел разговор о деньгах?»

– Паша, если тебе требуется девочка по вызову, то ты обратился не по адресу.

Теперь настала очередь смущаться Павлу.

– Извини, но я хотел тебе предложить заработок иного рода. Дело в том, что я хочу устроить праздник на даче, в Комарове. Дома – предки. В кабак идти – разорительно, а на даче собраться – в самый раз. Так вот, – продолжал Павел, – у меня есть друг Боря Палей. Он инвалид-колясочник. Необходимо, чтобы рядом с ним кто-то все время находился. Сама понимаешь, я как хозяин торжества, буду занят с гостями. Обычно его мама всюду сопровождает, но Боря не хочет ехать с мамой, тоже ведь молодой мужик, а все с мамой да мамой. Вот я и подумал, может, ты согласишься? В цене, надеюсь, сойдемся.

– Конечно, Паша. Мне это нетрудно. И о деньгах не тужи: продли мой абонемент в клубе на несколько занятий – и будем квиты.

Освобождение от оплаты было Марте кстати: если бы не отец, присылающий ей часть своей военной пенсии, она и вообще бы не смогла посещать этот клуб. А он присылал с каждым разом все меньше и меньше, сам испытывая трудности с финансами.

Павел облегченно вздохнул и поспешил в тренажерный зал к следующей группе, а Марта принялась за очередной сникерс.

Вернувшись домой, Марта сразу побежала к подруге-соседке, чтобы обсудить с ней приглашение. Однако Яна не проявила встречной охоты: ей надоели бесцеремонные вторжения Марты в любое время дня и ночи, поэтому она решила сегодня поставить заслон этим визитам. Яна не нуждалась в ежедневных посиделках, она охраняла личное пространство и не собиралась изменять своим принципам. При том, что ей предстоит избыточное общение в школе, дома она должна иметь покой.

Яна встала на пороге, уперла руку в косяк, как шлагбаум, и с окаменевшим лицом процедила:

– Извини, Марта. Я занята, так что, не смогу составить тебе компанию. И впредь попрошу не беспокоить меня по пустякам.

– Я только на четверть часика. Хочу рассказать тебе, куда меня Паша приг...

– Мне это неинтересно, – Яна на полуслове оборвала болтливую соседку и захлопнула перед носом Марты дверь, защелкнув для надежности задвижкой.

Марта была обескуражена до такой степени, что не нашлась, что сказать. Она занесла кулак, чтобы вновь постучать в дверь Яны, но поймав насмешливый взгляд проходящей мимо другой соседки, отступила. Не хватало только стать посмешищем всей квартиры!

Марта вернулась к себе в комнату и продолжила распаковывать коробки. Попутно вставляла в магнитофон музыкальную кассету – не выносила тягостной тишины. Слушая веселые ритмы популярной группы, сокрушалась, что в этой квартире не с кем и пообщаться, кроме Яны: прочие соседи были или семейными, или безнадежно стары.

Яна, чтобы заглушить громкую музыку за стенкой, включила радиоприемник и настроила его на спортивный канал. Она по-прежнему не слишком жаловала спортсменов, но к некоторым видам спорта испытывала повышенный интерес. Однако интерес этот был особого толка: она отслеживала положение футбольных команд в турнирной таблице, счет теннисных матчей или очки участников на шахматных турнирах. Причем она не наблюдала за поединками, а рассчитывала вероятные победы и проигрыши, основываясь на предыдущих результатах команд или игроков, и часто ее подсчеты совпадали с реальностью. Яна опиралась на университетский курс «теории игр», в то же время эта «угадайка» была для нее повседневным развлечением. Настоящие радости случались в ее жизни редко. Среди них на первом месте находились встречи со школьной подругой Катей, но они были до обидного редки.

Подруги в последний год общались мало, так как этому препятствовал муж Катерины, Олег Котов. Это был уверенный в себе человек, успешный бизнесмен, но принадлежал он к тому сорту мужчин, которые плотно контролируют своих супругов. Он ворчал на Катю, когда она долго болтала по телефону, выспрашивал, где и с кем та провела время, и, наконец, заставлял ее уйти с работы и сидеть дома. До поздней осени Котовы жили в поселке Комарово, в комфортабельном коттедже, приобретенном главой семьи год назад, но Яне еще не довелось там побывать. Теперь, когда Котов уехал по делам в Финляндию, оставив жену под приглядом охранника, Катя позвонила Яне, пригласила ее приехать, посмотреть их новый дом. Ей давно хотелось похвастаться перед подругой интерьером – дизайном и оформлением помещений она занималась сама, обладая с детства чувством прекрасного и следуя собственному вкусу и понятию красоты. Яна охотно согласилась, так как соскучилась по Кате. Катя и Яна встречались хоть и не тайком от Олега, но в его отсутствие.

У Котова к Яне был особый счет, как и у нее к этому человеку. И тому были веские причины.

Яна узнала Олега Котова задолго до того, как он встретил Катю и женился на ней. Яна была первокурсницей матмеха, а Олег выпускником университета – он учился на географическом. Познакомились они в кружке геймеров – студентов, не только играющих на компьютере, но и программирующих эти игры. Яна писала программы быстрее всех, а Олег неплохо рисовал – по его эскизам составлялись декорации для игр и придумывались персонажи. Котов имел много талантов, среди них чуть ли не главным была способность покорять девичьи сердца. Однако, воспылав ненадолго к очередной избраннице, он вскоре оставлял ее, и записывал очередное очко на свой личный счет. Парни завидовали ему.

Яна не догадывалась об этом почти невинном пороке красавца-героя, а раскрыть ей глаза на него было некому. Кроме Яны, девушек в кружке не было, а парни свои мужские разговоры вели в ее отсутствие. С каждой новой встречей по-светски развязный выпускник все больше нравился строгой первокурснице: мужественный и красивый, остроумный и талантливый – не имея специальной подготовки, прекрасно рисовал и для гуманитария неплохо владел компьютерными премудростями. Вот он – мужчина ее мечты! Впервые в жизни Яна влюбилась, но никогда не решилась бы первой признаться в своих чувствах.

Котов заметил взволнованные взгляды скучновато одетой девицы, но поначалу решил, что победа над ней не добавит ему славы. Однако, услышав от ребят, что Яна – самая умная девчонка курса, но абсолютная недотрога, пресекает даже шутки, заинтересовался и вышел на новую охоту! И тут же столкнулся с непривычными для себя сложностями. Мало того, что одевалась она немодно, ее отличало абсолютно несовременное поведение. Яна чуть не упала в обморок, когда Олег, преградив ей путь в университетском коридоре, небрежно обнял ее за плечи. Она задрожала, втянула голову в туловище, закатила глаза к потолку. Олег убрал руку, подождал, пока она успокоилась, и спросил:

– Яна, на дискотеку сегодня ходим?

– Я... я не умею танцевать.

– Не смейся, подруга! Стакашек опрокинешь, ноги сами задрывают!

Яна молчала: вина она почти не пила, зная за собой, что легко пьянеет и потом хохочет, как дурочка. А выглядеть дурочкой в глазах Олега ей было бы невыносимо.

– На дискотеку я не пойду.

Прошло еще несколько дней. Олег уже понял, что существуют две разные Яны. Одна, оживленная, находчивая – ее он видел за компьютером, когда ребята всей компанией тестировали готовую игрушку или обсуждали новые алгоритмы. Другая, непонятно-пугливая, появлялась, когда они оказывались наедине. Процесс застопорился. Яна даже не позволила коснуться ее губ, когда он, проводив ее однажды до дому, пытался поцеловать. Вывернулась и убежала.

В следующий раз Олег сделал заход с другой стороны:

– Яна, у меня комп глючит. Может, зайдешь, помотришь? С географа, сама понимаешь, какой спрос!

Олег снимал комнату и едва ли не первым среди студентов заимел дома компьютер – добыл из списанного оборудования в каком-то НИИ. Деньги он зарабатывал сам, толкая желаемым контрафактные кассеты с модными записями. Сам же и перезаписывал их.

Просьбу помочь разобраться с компьютером Яна приняла всерьез и даже захватила с собой дискеты с тест-программами. Но войдя в комнату, сразу поняла, что он позвал ее не за этим. Стол был накрыт по-ресторанному: белая скатерть, цветы, шампанское, фрукты, конфеты. Отступать было поздно, да и не хотелось. Ведь Олег нравился ей!

– Этот чудесный натюрморт вместо сломанного компа? – Яна медленно расстегнула уличную куртку, Олег помог ей высвободиться из рукавов. – Не мог без обмана обойтись?

– Ты ведь не пошла бы, если бы я так пригласил. Кстати, повод для праздника, действительно, имеется. Мы с тобой знакомы ровно два месяца и три дня.

Они сели к столу и Олег раскупорил бутылку шампанского.

– Мне чуть-чуть, – предупредила Яна, дрожащей рукой держась за ножку фужера.

– Как скажешь.

На этот раз голова закружилась особенно сильно – ведь Яна была влюблена! Олег наполнил ее фужер, она слабо протестовала, умирая под его взглядом. Эти глаза гипнотизировали: дымка вокруг его зрачков дрожала и наливалась голубизной.

Олег тихонько стукнул своим фужером об Янин:

– За любовь!

Продолжая пребывать под гипнозом, Яна сделала еще несколько глотков, и вдруг улыбка украсила ее лицо: никогда прежде Яна не чувствовала себя такой счастливой!

Олег снял с девушки водолазку, не встретив сопротивления, но едва его рука коснулась ее обнаженной спины, как Яна резко отодвинулась к другому концу дивана.

– Что с тобой, Яночка? Ты меня боишься?

Яна замотала головой, но тут же, схватив лежащее рядом покрывало, прикрылась им спереди.

– Вот что, недотрога! Давай тогда фотосессию устроим.

Хозяин комнаты взял с книжной полки над диваном фотоаппарат и наставил его на Яну. Она, подобрав под себя ноги, закуталась в покрывало еще плотнее, но возражать против новой затеи не стала. Олег отщелкал несколько кадров с разных ракурсов. Потом предложил сняться вместе, на автоспуск. Подготавливая декорации для совместного кадра, он, якобы озабоченный фоном, потянулся к книжной полке, висящей над диваном, и вытащил из-за книг спрятанный там трофей – оставленный кем-то из его прежних подруг кумачовый бюстгальтер. Незаметно для Яны подвесил его на бра. Затем, пристроив аппарат на комод, завел затвор, прыжком приблизился к Яне и обнял ее. Фотовспышка осветила их лица, запечатленные на пленке. Тут же Олег убрал компрометирующую деталь.

Закончив съемки, Олег налил себе и Яне еще шампанского.

– Мне больше не надо! – Яна прикрыла фужер рукой. Пока шли съемки, она протрезвела и вдруг обнаружила, что сидит полуголой на диване. В какой момент она сняла водолазку, Яна не вспомнила. – Отвернись, пожалуйста, я оденусь.

– Снова-здорово! – вздохнул Олег, унылой гримасой изображая обиду, но просьбу Яны выполнил. Сегодняшний результат был неплох: наполовину раздел и фотки сделал – уже успех! Покорение этой вершины становилось все интереснее для него.

Потом, когда Яна вернулась домой, она уже сожалела о своем поведении – так обидеть любимого парня. Почти все ее ровесницы уже прошли через *это*. Но страх перед мужчиной был сильнее ее.

Встречая в последующие дни Олега в университете, она искательно заглядывала ему в глаза, ожидая нового приглашения. Но Олег держал паузу. Он отдал ей фотографии, на которых она сидела одна, забившись в уголок дивана.

– А те, где мы вместе снимались, не получились?

– Ты их не заслужила, плохо себя вела. Потому что не любишь меня.

– Я люблю тебя, Олеженька! – прошептала Яна. – Давай снова встретимся!

Следующее свидание на квартире Олега проходило по похожему сценарию. Только на сей раз вместо шампанского они пили вино. И снова Олег завораживал ее туманным взглядом, и ладони его вновь скользили по ее телу. На этот раз Яна держалась смелее – и выпила чуть больше, и хохотала громче, а в какой-то момент оказалась лежащей на диване. Увидев навис-

шее над собой тело Олега, она опять испугалась, но вырываться не стала, а сама судорожно обхватила его. Все остальное происходило для Яны как во сне. Она не помнила, как Олег освободил ее от одежды и как разделся сам. В какой-то момент сильная боль пронзила Яну, и она вскрикнула. Почти одновременно зарычал от боли и Олег.

– Ты, что, мать! Кастрировать меня решила, – выдавил он сквозь зубы. – Расслабься. Выпусти меня.

– Не могу, – простонала Яна, ощущая себя зажатым комком нервов.

Кое-как Олег высвободился и ушел в ванную комнату. Яна была совершенно обескуражена, и, чувствуя вину перед Олегом, стала одеваться.

Возможно, в дальнейшем их контакт обрел бы гармонию, если бы не случай.

Яна пришла в кружок геймеров чуть раньше положенного, но несколько парней уже находились в аудитории. Они сгрудились в углу за столом и разглядывали какие-то фотографии, передавая их друг другу. Время от времени ребята взрывались приступами хохота. В центре компании, спиной к двери, сидел Котов – его шея и уши покраснели от радостного возбуждения. Яна на цыпочках приблизилась к группе и взглянула через голову Олега на глянцевою картинку в его руках. Именно в этот момент он держал их общую фотографию. Яна узнала себя и Олега – они сидели, прикрывшись одним покрывалом, так, что могло показаться, что на них ничего не надето. В следующий момент она заметила на заднем фоне и вовсе безобразную деталь – чужой кумачовый лифчик, свисающий с бра. Она не видела этой вещи в комнате, значит, Олег вывесил лифчик специально, чтобы сфотографировать. Губы Яны скорбно сжались: молчаливые слезы выкатились из глаз.

Яна медленно повернулась, чтобы уйти, но... Но было поздно – ее уже заметили.

– Янка, ты фотогенична! Не податься ли тебе в модели! – беззлобно шутили программисты. – Посмотри на других девчонок!!! Котова, ни одна с тобой не сравнится!

У порога Яна остановилась. Если она сейчас сбежит, проглотит это оскорбление, навсегда потеряет уважение к себе. Мысли крутились в ее голове с бешеной скоростью. Что делать? Как отомстить предателю?

Яна незаметно смахнула слезы, снова обратилась лицом к парням и, слегка переигрывая, небрежно сказала:

– Ну-ка, дайте и dame посмотреть коллекцию.

Олег хотел спрятать фотографии, но кто-то ради хохмы выхватил пачку из его рук и с готовностью протянул ее Яне. Она мельком просмотрела фотографии других девушек, сфотографированных с Олегом – никакой порнографии, все очень пристойно: парный портрет и мелкая деталь вроде лифчика или колготок. Два десятка глаз с интересом наблюдали за Яной, их товарищем и «своим парнем», ожидая, как она вывернется из этой ситуации – для девчонки, возможно, трагедии. Олег смотрел в сторону.

Яна вытащила из пачки свою фотографию, остальные бросила на стол. Затем сухо обратилась к Олегу:

– Негатив принесешь завтра.

Затем, обращаясь к другим ребятам, заявила:

– Мальчики, вы, небось, завидуете этому... Коту. А завидовать тут вовсе нечему. Он полный импотент! Кроме фотографий, наш Кот ни на что не способен. Полный ноль! Понимаете?

Котов вскочил, сжал кулаки и шагнул в сторону Яны. Ребята на всякий случай преградили ему путь, шеренгой закрыли девушку. Чья возьмет? Котов понимал, что если ребята поверят в эту чушь, в университете лучше не показываться. Подумаешь, пошутил, сфотографировал эту дуру с красным лифчиком. Он же не в журнал фотографию послал, а среди своих показывал.

Олег рубанул руками, расчищая себе проход, и встал напротив Яны, в полуметре от нее:

– Спятила, дура! Плохо я тебя трахнул? Признавайся, что наврала! А не то!.. Я убью тебя, гадина! – не было сейчас в глазах Котова и намека на голубой туман, взгляд его резанул стальным мечом.

Яна в испуге отступила, спряталась за спинами других парней, но отказываться от своих слов не стала. Еще утром она любила его, а сейчас ненавидела!

Студенты не слишком верили словам Яны – милые бранятся... В их среде приколы и шутки были нормой. Но Олег слишком возбудился, пора было охладить его.

– Олег, оставь ее. Пошли лучше пиво пить. Яна, ты пойдешь с нами?

Яна не ответила и отошла к своему компьютеру. Несколько ребят, и Олег с ними, покинули аудиторию. Пиво продавалось за стенами университетского корпуса.

Несколько дней этот случай обсуждался среди студентов, но вскоре их внимание переключилось на другие новости. Олег же с удвоенной энергией принялся доказывать свою мужскую состоятельность. Яну он возненавидел, но не трогал, хотя кулаки чесались – вмазать бы этой стерве! К счастью для обоих, через полгода Олег закончил университет и они больше не встречались.

Если бы роман Яны продлился дольше, то, возможно, она и рассказала бы о нем Катерине. Но отношения с Олегом так стремительно начались и так подло завершились, что говорить о них не хотелось. Яна стыдилась этой истории, тем более, что и сама вела себя не лучшим образом. Катя училась в другом ВУЗе, и осталась в неведении. Через пять лет после этой истории Катя показала подруге фотографию своего жениха, и Яна узнала в нем Котова. Она настояжилась, опасаясь за судьбу подруги, но Катерина с таким восторгом отзывалась о женихе: обеспеченный, нежный, образованный. И безумно любит ее – от Кати ни на шаг. Яна подумала, что человек мог измениться, став взрослее, и не стала рассказывать Кате о его прежних похождениях. Она только призналась, что знала Котова по университету, но поскольку он закончил курс много раньше, плохо помнит его.

Яна побывала на свадьбе подруги, поздравила новобрачных, перекинулась парой слов с Олегом – оба сделали вид, что все забыто. Однако в дальнейшем избегали встреч.

На этот раз подруги решили пообщаться подольше. Яна придет в субботу, переночует у Кати в доме, а в воскресенье, не дожидаясь приезда Олега, вернется домой.

Выбор одежды для поездки – оказался для Яны не простым делом. Она перебирала в шкафу свой скудный гардероб, оценивая, подходит ли вещь к сезону и к случаю. Катя ругает ее за пристрастие к черному цвету, к закрытым «водолазкам», придется надеть что-нибудь понаряднее. Черная уличная куртка с капюшоном остается, тут альтернативы нет, но под куртку можно надеть цветной джемпер с вырезом и вельветовые джинсы цвета топленого молока. Яна примерила комплект перед зеркалом: было непривычно видеть себя такой нарядной. Но хотелось порадовать Катю, показать, что она в порядке. Яна, как и собиралась, выехала в Комарово в субботу.

* * *

Поездка Марты в Комарово, как было намечено, состоялась в воскресенье.

Днем синий служебный микроавтобус затормозил рядом с узким тротуаром в тихом Фонарном переулке. Павел покинул водительское место, обошел машину и открыл перед Мартой отбегющую в сторону дверцу салона. Марта с любопытством взглянула внутрь: в одном из кресел, держась за подлокотники, сидел молодой красивый мужчина с пышной черной шевелюрой. Его бессильно расслабленные ноги едва касались пола – это и был Борис Палей, опе-

кать которого ей предстояло. Рядом стояла компактно сложенная инвалидная коляска. Павел познакомил своих пассажиров друг с другом и помог Марте забраться в салон, придерживая ее под локти. Задвинув за ней дверцу, вернулся в кабину.

Микроавтобус летел по приморскому шоссе вдоль голубовато-седой прибрежной полосы Финского залива в сторону дачного поселка. Борис развлекал Марту. Карие глаза инвалида с легкими тенями под веками сверкали умом и легким азартом – аппетитная пышечка Марта понравилась ему, и он блистал перед ней эрудицией. Перепрыгивал с древней истории на современность, говорил о научных открытиях и новинках техники. Заметив, что Марта вздремнула, прервал лекцию и переменял тему, стал рассказывать о себе. И Марта тут же открыла глаза.

Боря был инвалидом ДЦП и в детские годы лечился в санатории Комарово, там он и познакомился с Павликом, жившим на даче с бабушкой. А было это так. В предвечерние часы весь дачный народ высыпал на центральную улицу поселка. Здесь же прогуливались и родители с больными детьми, проходящими лечение в детском санатории. Увидев однажды семилетнего Борю в инвалидной коляске, четырехлетний Павлик, продолжая неоконченный спор с бабушкой, закричал, стрельнув пальчиком:

– Бабуля, смотри, смотри! Вон большой мальчик, а его мама в коляске возит. А ты меня заставляешь ножками ходить. Почему? Я тоже хочу кататься!

Бабушка Павлика, культурный человек, профессор, смутившись перед людьми за выкрик своего ребенка, мягко одернула его. Затем подвела внука к мальчику на инвалидной коляске и познакомила детей, извинившись перед матерью больного ребенка. С того дня и пошел счет знакомству между ребятами, позднее переросшему в настоящую дружбу. Дети встречались в Комарове каждое лето, и подросший Павлик уже один, без бабушки, забегал в санаторий, куда приезжал его друг на очередную реабилитацию. Боря по-прежнему не мог ходить, но верхняя часть его тела окрепла – он упражнялся с гантелями, сидя в инвалидном кресле. Он много читал, опережал по интеллекту своих ровесников. А непоседливый Павлик предпочитал слушать истории в пересказе друга, нежели корпеть над книгой самому. Зато у Павлика всегда водилось много домашних животных – от хомяков до кота – чему отчаянно завидовал Боря.

Со временем Павел забросил свой живой уголок, переложив на плечи бабушки уход даже за любимой собакой. Он теперь редко бывал дома, много времени уделял спорту и активному отдыху: ходил в походы на байдарках и по горам. Борис, вынужденно привязанный к дому, много занимался, поступил на заочное отделение исторического факультета и досрочно получил диплом, экстерном сдав все экзамены. Однако юноши продолжали общаться. Каждый находил в другом то, чего не было у него самого.

– Борька верно говорит, – подтвердил с водительского места Павел. – Пока я по жизни колбасился, он даром времени не терял. Бориса и в научном мире знают, и среди писателей-фантастов его имя слышали. У него даже книжка издана.

– За свой счет, – погрустнел Борис. – Что на популярных статейках заработал, все на это издание спустил. А что касается прочих моих достижений, то без Пашки я вряд ли и образование смог бы получить. Интернета еще не было, Пашка по всем библиотекам мотался, чтобы для меня нужные книги достать.

– Моя заслуга тут невелика, – заскромничал Павел. – Мне что на дистанции пробежаться, что по городу носиться – разницы никакой.

– Да, такого непоседу еще поискать! Ты не против, если я и твою историю расскажу? – улыбнулся Борис, обнажив ряд белых зубов – стоматолог обслуживал его на дому.

Павел почесал за ухом, оторвав руку от руля, демонстративно вздохнул:

– Ладно, валяй, дружище.

Борис, не щадя друга, выложил и его подноготную.

Павел Ватагин учился в школе кое-как. Только в волейбольной секции был на хорошем счету. Но и здесь вершин не достиг, в сборную города не попал, поскольку часто пропускал тренировки. Однако иных перспектив для себя, кроме поступления на факультет физвоспитания, не видел. Но родители-археологи и бабушка – профессор биологии посчитали физкультуру делом несерьезным и заставили Павла поступать на биофак. Там и бабушкина рука могла помочь. Павел не сопротивлялся.

– Так точно, Борька не врет, – вновь отозвался с водительского места Паша. Бабуля мне помогла и диплом получить, разгильдяй я был жуткий. Зато армию я сам оттрубил, целый год после вуза, ровно триста восемьдесят дней.

– Разве в году не триста шестьдесят пять дней? – удивилась Марта.

– В армии свой календарь, – пояснил Борис, никогда не служивший в армии. – Пока указ издадут, пока дембель подпишут.

Марта была довольна, что согласилась на эту поездку – работа оборачивалась приятным времяпрепровождением. С этими весельчаками она чувствовала себя легко и непринужденно.

Павел продолжил рассказ о том, что в армии, как прежде в институте, тоже выдвинулся по спортивной линии. Выступал за свою часть в различных соревнованиях, и, в общем, одолел и эту дистанцию без особых проблем.

– К тому же, армия сделала из меня настоящего мужика, – веско заключил он.

– Пока я этого не замечаю, – оспорил заявление друга Борис.

– Какие претензии? Работу хорошую нашел? Нашел! А что с родителями вместе живу, так потому, что неохота обременять себя хозяйством.

– Будто кроме мамы о тебе и позаботиться некому, – загадочно намекнул Борис. – Женился бы наконец, у тебя, полагаю, есть выбор. Я бы на твоём месте... Э-эх, – Борис вдруг опечалился и посмотрел на благоухающую цветочными духами Марту, сидящую так близко, и такую далекую от него.

– Оставь эти разговоры, Боря. Давайте лучше подумаем над программой сегодняшнего праздника.

Мужчины с оживлением переключились на предстоящее увеселение на даче.

Дача в Комарове – при финнах это место называлось Келломьяки – когда-то принадлежала именитой бабушке Павла, а после ее смерти дом наследовали его родители. При советской власти в поселке имели право строиться только заслуженные люди – писатели, артисты, видные ученые. Место было уникальное: вокруг хвойный лес, неподалеку Финский залив, а где-то в стороне еще и озеро. В новейшие времена поселок начал перерождаться. За участки здесь шли настоящие войны. Едва старый дом ветшал, а наследники прежних шишек не находили средств на его поправку, тут же появлялись богатые покупатели. На месте старых дач вырастали дома-крепости, окруженные высокими заборами.

Но родители Павла еще держались за их старенький дом, своими руками латали то крыльцо, то крышу. Они надеялись на помощь сына, но его не интересовали хозяйственные заботы. Павел наезжал на дачу эпизодически, чаще всего – с друзьями и в отсутствии родителей.

Около указателя с названием поселка Павел притормозил и повернул машину в сторону леса – позади в последний раз сверкнула голубая гладь залива. Дорога стала узкой и ухабистой, полезла в гору, с двух сторон к ней подступали ели и сосны, вырастающие из мшистой подушки болота.

При очередной встряске сквозь натужное урчание мотора послышалось предупреждение Павла:

– Держитесь крепче, ребята.

На асфальтированной дороге было много рытвин и колдобин, и Павел с трудом маневрировал между ними. К счастью, встречные автомобили не появлялись, поскольку в эту осеннюю хмарь дачников в поселке почти не осталось.

И вдруг! Такое всегда случается вдруг! Перед микроавтобусом возник велосипедист. Низко склонив над рулем голову, он мчался с горы прямо под колеса машины! Павел с силой нажал на тормоза и резко крутанул руль, пытаясь избежать столкновения. Одновременно страх за жизнь незнакомого парня и гнев на него овладели Павлом – он выругался. А гонщик в темной куртке с надвинутым на глаза капюшоном стрелой летел посередине дороги. В следующее мгновение велосипед чиркнул колесом о борт микроавтобуса и, сменив траекторию, пролетел еще метр и рухнул у обочины. Седок кувыркнулся через руль и упал в канаву.

Павел и Марта выскочили из «Фольксвагена» кинулись к упавшему, в заросли черники, и тотчас по щиколотки провалился в мшистое болото. Велосипедист лежал ничком, не подавая признаков жизни. Тощий рюкзачок со спины сбился набок. Осторожным движением Павел освободил плечи упавшего из-под его поклажи и перевернул гонщика на спину. И тут же понял, что перед ними лежит девушка. Лицо ее было исцарапано ветками ягодного кустарника и заляпано грязью, глаза закрыты, но длинные ресницы слегка вздрагивали. К светлым джинсам девушки налипли мелкие сучки и опавшая хвоя.

– Девчонка! – воскликнул Павел и склонился к ее груди, – Кажется, дышит. Хорошо, что приземлилась на мох.

Марта приблизилась и сразу узнала пострадавшую:

– Яна! – охнула она, обхватив ладонями свои щеки.

– Ты ее знаешь? Что будем делать? Вызывать «скорую помощь»? – Павел спрашивал, и, не дожидаясь ответов, сам определял план действий.

Но делать ничего не пришлось: Яна очнулась, открыла глаза и непонимающе уставилась на склоненных над ней людей. Марту она не узнала. И не поняла, что случилось с ней самой, потому что последние секунды перед столкновением исчезли из ее сознания. Осталось только восхитительное чувство полета, испытанное ею, когда она неслась с горы на велосипеде. Почему оно прервалось? Хотя и сейчас было хорошо и покойно – реакция на боль запаздывала.

Марта расстегнула пуговицы на куртке Яны, наклонилась, чтобы расстегнуть ей лифчик, и тут ощутила легкий запах алкоголя. На лице Яны блуждала легкая улыбка – Марта впервые видела ее такой безмятежной. Начал накрапывать дождь. Павел с Мартой вытащили Яну из канавы, внесли в микроавтобус, положили в проходе салона. Борис достал из-за спины маленькую подушечку и протянул Марте:

– Возьми, положи ей под голову. И вещи ее не забудьте!

Павел снова сел за руль и вырулил на полосу движения, Марта йодом, который нашелся в автомобильной аптечке, смазала ссадины на лице Яны. Пострадавшая, тихо постанывая, возвращалась к действительности.

– Марта? Ты... ты как здесь оказалась?

– А, ты, красотка, как на дороге оказалась? – накинута Марта на виновницу происшествия. – Зачем прямо под колеса кинулась? Ты пьяная, что ли?

– Я? Нет. Не знаю.

Яна вновь прикрыла глаза, чтобы избавить себя от тягостных расспросов.

Еще два поворота – и Павел остановился у своей покосившейся дачи – гости, прибывшие ранее, с радостными воплями раскрыли перед микроавтобусом болтающиеся на одной петле ворота. Павел выпрыгнул из машины и попросил парней о помощи: надо было вынести Бориса и решить, что делать с Яной. Все были озадачены, услышав рассказ Павла о происшествии, и слегка обеспокоились, что намеченное мероприятие может быть сорвано. Однако состояние

Яны опасений уже не вызывало. Поддерживая под руки, ее отвели в дальнюю комнату и уложили на кровать. Хотя комната и походила на чулан – сюда было свалено ненужное осенью добро: тазы, гамак, шезлонги – зато сюда не доносилась разногласица шумной компании. Марта накрыла горемыку теплым одеялом, побыла немного с ней и вернулась к гостям. Она сказала, что Яна чувствует себя сносно, от врачебной помощи отказалась и просит покоя.

Борис, восседающий вновь в своей коляске, с пониманием кивнул:

– По себе знаю: сон – лучшее лекарство от всех невзгод.

Народ продолжал праздничные приготовления: девушки сутились на кухне, парни разводили во дворе огонь под мангалом для шашлыков. Кто-то в нетерпении открывал бутылки. Устроились тесным кружком на веранде. Ели, пили, шутили и болтали о разных пустяках. Не пил только Борис, потому что не пил вообще, и Марта, так как находилась на службе – присматривала за инвалидом. Она подавала ему со стола тот или иной предмет да изредка подливала в его стакан минеральную воду – Борису трудно было дотянуться до бутылки. Красавец-инвалид и в застольной болтовне первенствовал, подшучивал над собой и подначивал других. Загулявший народ еще немного погалдел, потом все разом засобирались на последнюю электричку – следующий день для большинства гостей был рабочим. Ночевать на даче остались четверо: Борис и Павел и Марта с Яной.

Марта помогла Борису совершить вечерний туалет: почистить зубы, переодеться в ночную одежду. Затем к заботам о друге подключился Павел, отослав Марту спать.

– Иди, Марта в ту комнату, где твоя знакомая отдыхает. Там еще диванчик имеется. Я сейчас тебе верблюжий плед достану.

Яна проснулась рано. Сквозь утренний полумрак она разглядела спящую вблизи на диванчике Марту. Дом еще был погружен в тишину. Яна медленно восстанавливала в голове события вчерашнего дня. Марта что-то говорила ей о столкновении с машиной, но реально-стью были только саднящие царапины на лице. Яна потрогала их пальцами и наткнулась на подсохшие корочки. Само происшествие Яна так и не вспомнила, зато восстановила в памяти утро вчерашнего дня. Вспомнила скандал на даче у подружки и застонала – не надо было ехать к Катке, ой, не надо.

И из этого гостеприимного дома ей лучше поскорее улизнуть. Неловко встречаться с людьми, которым она причинила столько хлопот. Яна, держа свой рюкзачок за лямки, осторожно пробиралась через заставленную домашней утварью комнату к выходу, но задела какие-то тазы, и те с грохотом полетели на пол. От шума проснулась Марта, увидела уходящую Яну. Накинув халат, выскочила следом. Догнала уже на улице.

– Ты куда собралась в такую рань? – остановила подругу Марта, заметив, что та выходит с вещами.

– Мне пора ехать, Марта. Извинись за меня перед хозяевами за беспокойство и поблагодари их за помощь.

– Голова не кружится, не тошнит?

– Вроде, сейчас ничего. Все в порядке. Кстати, ты не подскажешь, где мой велосипед?

– Он на веранде, но ехать на нем все равно нельзя: колесо погнуто, руль набок свернут.

Слава Богу, что ты сама только малыми царапинами отделалась.

– Как-то я об этом не подумала. Что ж, тогда на электричке поеду.

– Подожди все-таки: ребята проснутся, поедем вместе на машине. И потом, посмотри на свои брюки, все в грязных пятнах. Как ты в таком виде поедешь?

– Так и поеду. А кому не нравится, пусть не смотрит.

– Это кому смотреть нельзя? – раздался жизнерадостный голос Павла. – Кто собрался ехать на электричке?

Хозяин дома стоял с полотенцем на плече. Он уже успел совершить утреннюю пробежку и облиться до пояса холодной водой в уличной колонке, поэтому щеки Павла покрывал легкий румянец, а золотистый ежик смоченных водой волос топорщился самыми настоящими иголками. Павел выглядел так свежо, будто накануне и не праздновал до полуночи.

Яна посторонилась, пропуская хозяина в дом. Но теперь уйти молча было бы совсем невежливо, даже ей, не слишком думающей о приличиях.

– Извините меня за то, что столько хлопот вам принесла. Надеюсь, вечер вам не испортила?

– Не отпускай ее, Паша, – воскликнула Марта. – Ее надо бы в травмпункт завезти по дороге. Проверить, нет ли сотрясения. А видок какой? Ее первый же милиционер задержит, если она на глаза ему попадется.

– Надо – завезем! Нет проблем!

Лоб и скулы Яны алели многочисленными царапинами, а порванная и грязная одежда выглядела просто неприлично, но девушка продолжала упираться:

– Никаких врачей мне не надо. Я в порядке, сейчас поеду.

– В порядке? Ты в зеркало на себя смотрела? – поддержал Марту хозяин дома. – Кстати, забыл представиться – Паша.

– Янина.

– Какой официоз! А Яна – можно?

– Зовите, как хотите. Вряд ли мы с вами еще встретимся.

Павел неопределенно улыбнулся:

– Не будем загадывать. Гора с горой... Сейчас я помогу Боре встать и умыться, а вы, девочки, пока электросамовар вскипятите. Позавтракаем, а потом катите, дорогая Яна, куда душа пожелает. Кстати, щетка для одежды лежит тут, над дверью.

Яна смирилась с тем, что придется еще полчаса провести в этом доме. Она почистила свою одежду, а потом вместе с Мартой занялась подготовкой к завтраку. Убрали следы вчерашнего пиршества: собрали в один угол пивные бутылки, выбросили использованную одноразовую посуду и накрыли стол чистой бумажной скатертью. Затем достали из холодильника бутерброды с сыром и колбасой, какие-то салаты – еды накануне было наготовлено с лихвой. Стол вновь принял свежий, праздничный вид.

Однако нового веселья за столом не получилось. Не только неловкие шутки Павла, связанные с его вчерашним наездом на Яну, но и остроумные каламбуры Бориса тонули в холоде, исходящем от Яны. Ее насупленный взгляд смущал присутствующих, заставлял испытывать непонятное чувство вины. Никому и в голову не могло прийти, что виноватой чувствует себя сама Яна, что держится она так горделиво от неловкости, от того, что оказалась в центре внимания.

Томительный завтрак ко всеобщему облегчению наконец завершился. Яна еще раз подтвердила, что поедет электричкой, сказала, что в машине ее укачивает. Павел больше ее не удерживал.

Марта не хотела отпускать Яну одну в таком заторможенном состоянии – поездка по железной дороге требует собранности – она попросила ребят отпустить ее с Яной. Павел не возражал. Ответил, что справится с Борисом сам, и, понизив голос, добавил:

– Какая мрачная девица твоя подруга – темнее тучи. Ты сказала, что она в вашей школе работает. Что же она преподает?

– Она только устроилась. Будет вести информатику в старших классах.

– Тогда с ней все ясно. Если бабы забивают себе голову ватой, ничего хорошего ждать не приходится. На таких девчонок и время тратить жаль. Кстати, Марта, пойди, попрощайся с Борькой. Он признался мне, что ты ему очень понравилась!

Марта направилась к Борису, он о чем-то беседовал с Яной на веранде. Марта поймала слова: монитор, сканер, модем. Борис успел вызнать у случайной гостьи ее профессию и, пользуясь моментом, атаковал ее компьютерными вопросами.

– Боренька, я уезжаю! – вклинилась Марта. – Мы с Яной вместе идем на электричку. Яна не слишком обрадовалась попутчице, но возражать у нее не было сил.

Борис и вовсе был разочарован, что придется прежде времени расстаться с Мартой – общение с ней доставило ему немало удовольствия.

– Подойди, пожалуйста, ближе, Марточка! Я хочу поцеловать твою ручку.

Марта протянула инвалиду руку, Он, сидя в кресле, обхватил ее ладонями, склонил голову, прикоснулся губами к нежной коже. Марта вспыхнула от этого прикосновения – руку ей целовали впервые жизни. Полная чувства благодарности, она другой рукой слегка взъерошила волнистую шевелюру Бориса и сказала:

– Мне было с тобой очень интересно, Боря. Я будто в театре одного актера побывала.

– Готов выступить на бис, – польщенный ее отзывом, отозвался Борис.

Павел тоже стал готовиться к отъезду. Он вынес искореженный велосипед Яны и положил его в микроавтобус, пообещав позднее заняться его ремонтом.

– Не надо, Павел, заморачиваться. Я все равно собиралась новый велик покупать.

– Мне кажется, этот еще можно выправить. Но как хотите, тогда я его отнесу в сарай.

Павел извлек велосипед из машины, улыбки больше на его лице не было – он устал от этой заносчивой, ненормальной девицы и жаждал лишь поскорее с ней распрощаться.

По дороге на электричку Марта спросила у Яны, что ее привело в Комарово – дела или просто приехала покататься? Яна честно ответила, что приезжала в гости к подруге. Марта сразу принялась ее расспрашивать:

– Давай-ка все подробненько. Как подругу звать? Где вы с ней познакомились. И не забудь сказать, с кем ты вчера пила?

– Это Катя Жарова из нашей школы. Теперь она Котова по мужу. Ты, может быть, вспомнишь ее, она в шестом классе у нас появилась. С того времени мы и дружим. Я тебе не рассказывала?

– А-а, с длинной косой? Такая бледненькая была девочка? Я еще, помню, удивлялась, что фамилия ей будто в насмешку дана.

– Все верно. Коса у нее и сейчас имеется, только бледность ушла. Катя – цветет и благоухает, в настоящую русскую красавицу превратилась.

Электричка подошла почти сразу, и подруги сели, заняв удобные места у окна. Дорога предрасполагала к беседе. Глядя в окно, Яна немного оживилась, кое-что рассказала Марте о вчерашнем дне, но про события, особенно волновавшие ее, промолчала.

У Яны и Катерины были разные способности, и интересы, и увлечения. Сходились они только по темпераменту – обе были сдержаны и немногословны, совпадали по реакциям. Оттого и чувствовали себя комфортно друг с другом. Катерина выучилась на искусствоведа, после Академии Культуры работала в музее, занималась русским фарфором. Она трудилась в научном отделе музея, но однажды ее, как специалиста, попросили провести экскурсию. Она долго отнекивалась, так как не привыкла к публичным выступлениям, но ей сказали, что на сей раз публики будет один человек. Он заказал себе индивидуальную экскурсию. Этим человеком оказался предприниматель Олег Котов, вскоре ставший ее мужем. А через полгода после сва-

дбы он убедил жену оставить работу. Теперь она имела дело лишь с домашней коллекцией мужа – часть денег он вкладывал в антиквариат.

Электричка проносилась мимо перелесков с обнаженными уже ветвями, мимо чернеющих полей или однотипных дачек, стоящих местами вдоль дороги. Таким же мелькающим фоном неслись мысли Яны, когда она выборочно рассказывала соседке о своем воскресном пребывании у подруги.

Приехала в Комарово на велике, еще в субботу. Общались с Катей: гуляли, болтали, побаловались винцом. Муж ее был в командировке – он предприниматель, занимается торговлей. Закупает в странах Балтии и в Финляндии рыбу, привозит ее в Питер на реализацию. Раньше брал мелким оптом, сейчас вышел на крупные обороты. Вывел неучтенный нал из тени, с выгодой вложил в недвижимость и ценные бумаги. Теперь ведет легальный бизнес, выстроил трехэтажную дачу в Комарове, имеется квартира в Питере, офис в центре города, коллекционирует фарфор. Все это Яна рассказала попутчице без всяких эмоций, просто констатируя факты.

Марта только ахала да руками разводила: удивлялась, насколько прибыльной может оказаться торговля килькой. И допытывалась о мелочах: сколько комнат в доме, какие занавески на окнах, есть ли в доме животные. Яна пожимала плечами, она почти не заметила все эти детали, хотя хозяйка и провела с ней экскурсию по дому. Вспоминала она совсем другое, причем исключительно воскресный день.

С утра пошли с Катей к озеру, наведались к бывшей даче Ахматовой. Катя, перекинув косу на высокую грудь, читала наизусть ранние стихи поэтессы. В ней снова заговорил искусствовед. Но чуть позже она поделилась с Яной трудностями семейной жизни. Жаловалась, что скучает, слоняясь по квартире целыми днями одна, сердится на мужа за то, что он потребовал, чтобы она уволилась из музея. Сказала, что он дико ревнив. Яна не удивилась: слышала, что те, которые сами за чужими юбками бегают, и жену подозревают в изменах. Однако и тут промолчала, про студенческие проделки Олега не стала рассказывать Кате.

Дома затопили камин, беседа продолжилась под легкое винцо. Яна сказала о своих планах, о том, что с новой четверти начнет работать в школе. Подруги переключились на собственное детство, вспоминали ребят, учителей, занятия в оздоровительной группе. Неторопливая беседа прервалась в один миг – распахнулась входная дверь и на пороге появился хозяин дома Олег Котов, появился неожиданно для обеих. Яна едва узнала старого знакомого, так он располнел, но выглядел представительно. Катя бросилась навстречу мужу, поцеловала его. Он чмокнул ее в ответ и сухо поздоровался с Яной, затем повернулся и вышел из комнаты.

Котов был взбешен. Он увидел Яну у себя дома! Просил же Катю не приглашать ее! Однако свое неудовольствие этим фактом он впрямую не высказал, начал придирается к мелочам. Когда сели втроем обедать, он, обнаружив на столе магазинные пельмени вместо домашнего борща, накинулся на жену с упреками.

– Олеженька, – залепетала Катерина, – я же думала, что ты завтра приедешь. А мы с Яной решили так обойтись, полуфабрикатами.

Имя Яны еще больше распалило Котова:

– Нормальный обед всегда должен быть приготовлен, дома я или в отъезде. А это что еще! – Олег увидел лежащую на подоконнике книжку, подошел и посмотрел название, – Кафка! Бабам Кафку вредно читать! Я на что тебе деньги даю? На эту ересь?

– Это моя книга, – поспешила Яна выручить подругу, назвавшись хозяйкой Катиной книги, хотя она подобных книг не читала.

– Твоя? Тогда смотри.

Взяв книгу за корешок, Олег метнул ее в сторону камина и попал точнехонько в топку. Злоба отпустила его, но настроение было гнусным.

Катерина всхлипнула. Яна резко выскочила из-за стола, подлетела к Олегу и начала молотить его кулаками в накачанную грудь. Ее давняя ненависть к нему тоже не умерла с годами.

Крепкий, как ствол толстого дерева, Олег от толчков Яны даже не покачнулся.

– Твоя? Вот и читай ее у себя дома, а сюда нечего всякую дрянь тащить. Сама полоумная и Катьку мою с толку сбиваешь. Вон из моего дома! Чтобы ноги твоей тут больше не было! И тебе, милая, скажу, – Олег повернулся к Катерине. – Выбирай: кто тебе дороже – твоя подруга или муж?

Катя не могла понять, почему муж и лучшая подруга не могут найти общий язык. Оба культурные, образованные люди – и так некрасиво себя ведут.

Яна тут же стала собирать свой рюкзачок, а разволновавшаяся Катерина забежала по комнате, умоляя Олега успокоиться, а Яну не уезжать. Потом она снова расплакалась, на этот раз по-настоящему разревелась, и начала истерично задыхаться. Слегка испуганный муж пошел на попятную. Смягчив тон, сказал Яне:

– Вот что, подруга. Ты бы удалилась на часик, можешь на своем велике размяться, а мы с Катькой тут разберемся.

Затем он неожиданно размахнулся вполсилы и залепил Катерине пощечину, чтобы остановить истерику. Яне показалось, что он избивает жену:

– Прекрати, изверг! – кинулась она на ее защиту. – Я никуда не уйду.

– А я ведь и тебе врезать могу, – пригрозил Котов. – Оставь нас, ради бога, Янка.

Яна отступилась и вышла, заверив Катю, что завтра позвонит.

Она оседлала велосипед и выехала за ворота чужой семейной крепости. На душе у нее свербило.

Ехать сразу домой было обидно: из-за Котова – выходной день насмарку. Подъехав к станции, Яна купила в ларьке баночку пива, поколебавшись, взяла еще одну. И снова, сев на велосипед, покатила дальше. Одной рукой она держала руль, другую, с банкой пива, время от времени подносила ко рту. В седле девушка держалась уверенно, так как, купив велосипед с первых заработанных денег, почти не слезала с него.

Голова стала легкой, невесомой, ноги едва касались педалей. Яна прикрыла глаза и проехала так несколько метров – получилось! То посматривая перед собой, то вновь зажимуриваясь, Яна покружила по поселку и свернула на дорогу, ведущую к шоссе – пора было возвращаться в город. Дорога круто бежала вниз, велосипед катился сам – Яне даже не требовалось крутить педали. Жутковато-сладкий холодок поднялся в ее груди. Яна ни разу в жизни не испытала оргазма, но сейчас у нее было чувство, что он вот-вот наступит. Она снова прикрыла глаза. Последняя вспышка разума: посмотри на дорогу! Последний взмах ресниц – впереди никого! Яна вновь зажмурилась, страх растворился в охватившем ее восторге. «И-и-и, – велосипед подпрыгивал на ухабах, задранный нос кожаного седла ритмично ударялся о бедра. – А-а-а!». Гримаса наслаждения исказила лицо девушки: глаза сомкнулись, сжатые невидимыми клещами, рот искривился в судороге экстаза.

Встречного микроавтобуса Яна не увидела и не успела испугаться, налетев на него. Очнувшись она уже на сыром, зеленоватом мху, в тот момент, когда Павел осторожно снял с ее плеч рюкзак и перевернул на спину.

Яна не стала рассказывать Марте ни о скандале в семействе Котовых, ни о выпитом пиве, ни о езде с закрытыми глазами:

– Понимаешь, Марта, я заметила вашу машину слишком поздно и не успела свернуть. Ведь мы с Катей выпили в тот день вина. Видно, сказалось.

Марта выговорила Яне за неосторожность и переключилась на собственные впечатления о праздновании у Павла. Рассказывала, какой выдумщик Борис, как милы были остальные гости, как тепло приняли ее в свою компанию. Ее спутница продолжала думать о своем.

3

Яна, представленная классу Яниной Станиславовной, приступила к работе сразу после коротких осенних каникул. Завуч, присутствуя на уроках учительницы информатики, отметила ее эрудицию и уверенную манеру поведения, однако указала неопытному педагогу на методические ошибки: встала у доски спиной к классу, слишком быстро излагает материал, не отслеживает, как поняли ученики ее объяснения. Яна обещала учесть замечания, но когда осталась наедине с классом, без поддержки завуча, растерялась.

Склоняясь над компьютером одного ученика, чтобы разобраться с его проблемой, она выпускала из поля зрения остальных. За ее спиной начинались безобразия: школьники вскакивали со своих мест, перекидывались записочками, шумели. Яна выпрямлялась, резко оборачивалась, чтобы поймать учеников врасплох – пойманных с поличным тут же выгоняла из кабинета или заставляла идти к доске. Тех, кто не мог ответить урок, высмеивала перед всем классом. С нарушителями, не знающими урок, расправлялась беспощадно, выставляя их в смешном свете перед одноклассниками.

В секретарскую потянулись заплаканные старшеклассницы. Они жаловались Марте Юльевне на новую информатичку, пересказывали, как она унижает их: «велела отправляться за дворницкой метлой и не терять время у компьютера», «сказала, что мозгов у меня, как у курицы» и прочее, прочее. Марта ахала и качала головой, сочувствуя девочкам, а кому требовалось, капала валерьянку или утирала бумажным платочком слезы. Вскоре через тех же учениц выяснилось, что достается и мальчишкам. Янина Станиславовна за плохой ответ вручала незнайке лист капусты (специально кочан в магазине покупала) и требовала схрупать награду тут же у доски. Прозрачный намек был понятен всем.

Первым взбунтовался Иванов, рослый, мускулистый парень с уже пробившимися усиками, но ученик крайне нерадивый: из тех, для кого тройка была вожделенной оценкой. Однажды Яна вызвала его к доске, попросила нарисовать архитектурную схему компьютера. Иванов изобразил на доске несколько пустых квадратов и вывернул ухо в сторону класса. Затем, ловя подсказку, неуверенно вписал в один из них слово «мама» – на сленге юзеров означающей главную, «материнскую», плату.

– Мама мыла раму, – Яна усмехнулась. Она сидела у своего стола вполоборота к доске и была в тот день настроена снисходительно. – Хорошо, остановимся на «маме», – расшифруй нам, Иванов, этот термин.

Ученик закатил глаза к потолку, затем ломким баском сообщил, что мама это жена папы – его ответы у доски часто носили эротический подтекст. Обогнавший по физическому развитию своих сверстников школьник всячески демонстрировал это. Класс грохнул от смеха, но Яна оставалась невозмутима. Она заставила его открыть учебник и прочитать вслух абзац, касающейся «материнской платы». Иванов то ли от волнения, то ли наперекор учительнице, читал текст коряво, с запинками и пропусками. Яна терпеливо дослушала абзац до конца, затем обронила:

– Да, читаешь ты тоже не ахти, у второклассника больше беглости будет. Может, тебе поучиться палочки писать? – говоря это, Яна уже отрывала от купленного ею кочана капустный лист, готовя позорную награду для нерадивого школьника. – Кстати, напиши-ка нам, дружок, две палочки и ноль и скажи, что это означает.

Вопрос Яны касался принципа двоичного исчисления, представляющего комбинацию нулей и единиц – пресловутых палочек. Но насмешливый тон учительницы, выставившей рослого школяра недотепой, задел его не на шутку. Иванов покраснел от злости, раскрошил в руках мел, швырнув его остатки на пол и сделал неожиданный выпад.

– Вам нужны палочки? Сейчас будет палочка! – ученик сделал вид, что расстегивает ширинку на джинсах. Белесое пятно мела от испачканных пальцев отпечаталось вокруг железной молнии.

Настал черед краснеть учительнице, но из класса она не выбежала – выдержки у нее было в достатке. Яна опустила глаза, нервно сжимая пальцами авторучку, мельком отметила про себя и ее удлиненную форму, затем с окаменевшим лицом перевела взгляд в классный журнал. Поставив напротив фамилии ученика жирную точку, она обыденным тоном сказала: «Идите на место, Иванов. Ответите в следующий раз». И тут же протянула ему дневник со вложенным между страницами капустным листом. Иванов демонстративно заложил руки за спину и вышел из класса.

На перемене мнения в классе разделились пополам. Одна половина, в основном, девочки, считала, что верх взяла учительница, другие присудили победу Иванову. Но так или иначе с этого дня подспудный конфликт между учеником и учительницей перешел в открытую фазу. Стычки между ними случались уже с пугающим постоянством.

Вскоре о конфликте со всеми подробностями стало известно директрисе. Она пригласила Яну в свой кабинет.

Марта в приемной лениво перебирала бумажки, преграждая случайным посетителям путь в директорский кабинет. Она боялась пропустить хоть слово из беседы, приглушенной запертой дверью. Но подслушивала она не из праздного любопытства, а искренне сочувствуя Яне. У нее даже голова разболелась от переживаний, как будто директриса отчитывала ее, Марту, а не Яну.

– Нельзя позволять такие шуточки ученикам, Янина Станиславовна. Что это за история с палочкой?

– Я всего-навсего добивалась от Иванова ответа. Когда он положил свои пальцы на молнию джинсов, я совсем растерялась.

– Этого нельзя было допускать, – повторила директриса.

– Но как? Как я могла помешать ему?

– Говорят, что вы излишне саркастичны, а подростки – народ самолюбивый.

– В моей просьбе написать на доске палочки, не было иронии. Единицы означают присутствие сигнала, нули – выключение.

– А капустный лист на что намекает?

– Но как иначе мобилизовать ребят? Как заставить их учиться?

– Попробуйте быть добрее.

Отчитав подчиненную, директриса подсластила пилюлю:

– Да, хотела сказать вам, что завуч отметила, как вы четко выстроили план урока.

Яна чуть приободрилась, хотя выговор начальства показался ей унижительным.

Секретарша уловила выражение растерянности на лице подруги, когда Яна, выйдя из кабинета директора, не остановилась у ее стола, а прошагала мимо. Решив, что дело плохо – ей не удалось подслушать весь разговор – Марта быстренько закрыла на ключ ящики письменного стола и побежала вдогонку. На выходе из школы догнала соседку.

Подружки шли по Казанской улице, едва умещаясь на узком тротуаре, их пару то и дело разбивали встречные пешеходы. От этого и беседа получалась рваной. Говорила, в основном, Марта. Про то, какой хулиган Иванов, как от него стонут все учителя, и какая у него противная мамаша – всегда защищает сынка. Одно оправдание ей, что воспитывает его мать в одиночку и безмерно гордится его спортивными успехами: он входит в юношескую сборную города по гребле и даже получает там стипендию. И еще много вздорного и ненужного говорила об Иванове Марта.

– И откуда ты все это знаешь? – с насмешкой поинтересовалась Яна.

– Ну, директриса с его матерью в своем кабинете беседовала... В общем, он добрый парень, только без царя в голове. И заметь, он ведь всю первую четверть школу фактически не посещал, тренировался. Теперь пытается наверстать. Ты будь к нему понисходительнее.

После выволочки в директорском кабинете Яна смягчила свое отношение к ученикам. Нерадивым ставила двойки молча, без обидных комментариев. Тем, кому был непонятен материал, терпеливо объясняла повторно. Ее старания начали приносить плоды. Даже Иванов старался и несколько раз правильно выполнил задания. Но причины его усердия были в том, что парень разглядел, как молода учительница и недурна собою. Ее челка, хоть и укороченная по настоянию директрисы, по-прежнему падала на брови, совсем как у его ровесниц. А темный брючный костюм только поначалу казался мешковатым – вскоре он догадался, что эти свободные объемы нынче в моде: все девчонки сейчас одевались так. Класс заметил, что от бравяды задиристый подросток перешел к показательному послушанию. Он не только теперь тщательно готовился к урокам Янины Станиславовны, но и систематически приносил в класс цветы. Сам наполнял вазу водой и ставил на стол учительнице, ничуть не опасаясь насмешек одноклассников.

Яна молча переставляла вазу на подоконник, однако прилежание Иванова в учебе приветствовала, прибавляла полбалла за удачный ответ. И даже себе она не призналась бы, что руководит ею не только педагогическое рвение – в ней зарождалась ответная симпатия к смелому школяру. Ни разница в десять лет, ни запретная граница «учитель – ученик» не могли помешать этому душевному движению. К тому же, выглядел Иванов совсем взросло, был высокого роста и широкоплеч, а серо-голубые глаза юного обольстителя уже подернулись легкой дымкой порочности.

* * *

Марта продолжала дважды в неделю наведываться в фитнес-клуб, но после поездки в Комарово в ее жизни появился еще один постоянный адрес – квартира Бориса Палея. Марта запросто заглядывала в эту семью каждый свободный вечер. Мама инвалида, Софья Иосифовна, хорошо готовила, еда в этом доме превосходила ресторанную: фаршированная рыба, запеченная утка и прочее аппетитное разнообразие. После ужина развлекались беседами и настольными играми. Борис, узнав, что Марта интересуется китайской экзотикой, научил гадать по системе И-Цзинь и углубил ее знания в области фэн-шуй. Оба все лучше понимали друг друга.

Однажды визит Марты к Борису совпал с посещением Павла. Инструктор пришел не один, а вместе с бухгалтершей Натальей Степановной – и Марта вспомнила слухи, циркулирующие в фитнес-клубе об этой паре. Говорили, что бухгалтерша – она была на пять лет старше Павла – опекала парня с материнской заботливостью: дарила подарки, заступалась за него перед хозяйкой, когда инструктору случалось проштрафиться. Молодой атлет был привязан к своей взрослой подруге, ему нравилось чувствовать себя немного мальчиком – воспитанный любящей бабушкой, он ценил в женщинах заботливость. В нем и внешне сохранялись мальчишеские черты. Очень шла ему его прическа – короткий пушистый ежик соломенно-солнечного оттенка, а улыбку украшали ямочки на припухлых щеках. Ну никак он не тянул на свои тридцать лет! Посетительницы клуба, попадая под обаяние этой детской улыбки, принимали ее за попытку флирта и ждали продолжения, однако Павел не оправдывал их надежд. Близкие отношения у него были только с бухгалтершей.

Наталья Степановна была женщиной незаурядной во многих отношениях, а также весьма самоуверенной. На этот раз на ней был надет морковного цвета костюм – он сидел безупречно, подчеркивая осанистую фигуру и высокую грудь. Безупречно выглядели ее ухоженные лицо

и руки – кожа, тонкая и упругая, покрытая ровным искусственным загаром, могла бы стать гордостью и двадцатилетней девушки. И, наконец, обращали на себя внимание ее крашенные в цвет вишни волосы – они были уложены в замысловатое сооружение, поддерживаемое гребнем с жемчужной вставкой. В целом женщина Павла производила впечатление энергичной натуры. Такой она и была на самом деле.

Помимо энергии она обладала и трезвым расчетом. Первый прыжок в бухгалтерской карьере совершила благодаря престарелому любовнику. У Наташи не было высшего образования, в свое время закончила бухгалтерские курсы, но покровитель приобрел для своей любовницы за хорошие деньги вузовский диплом. Со временем у нее накопился порядочный опыт работы, что позволяло ей справляться с бухгалтерскими задачами не хуже получивших настоящее образование коллег. Ныне в ее профессиональных руках находилась вся сеть фитнес-клубов, с хозяйкой которой она дружила. Но личная жизнь женщины не складывалась: когда Наташе сравнялось тридцать, стареющий босс нашел другую девушку, помоложе. И лишь с появлением в клубе Павла жизнь бухгалтерши вновь наполнилась смыслом, у нее появилась навязчивая мысль – женить на себе парня.

Войдя в просторную квартиру Палеев, Наталья Степановна заполнила собою все пространство. Ее повелительная манера обращения создавала ощущение материального объема в три раза большего, чем собственно тело. Когда компания расположилась на овальном диванчике, огибающем журнальный столик, бухгалтерша уселась в центральной его части – брошенной рядом сумочкой она сместила Марту на самый край. По другую сторону от Натальи Степановны сидел Павел – место сумочки между ними занимала отведенная в сторону рука его подруги, она тоже захватывала пространства чуть больше, чем принято. Борис сидел в своей коляске напротив царящей в доме гостии. Его мать поставила перед компанией тарелку с нарезанными кружками апельсинами, вазочку с конфетами, фужеры и стопки – бутылка с джином и другая, с тоником, уже стояли на столике – и покинула комнату.

Наталья Степановна заглушала всех бесконечным говорением. Она, считая себя экспертом по всем вопросам, распинаясь о модных способах лечения, кулинарии, политике и бизнесе. И только Борис, потягивающий через соломинку безалкогольный тоник, готов был ввязаться в бой, оспорить ее аргументы. Павел с Мартой поначалу просто молчали, так как громогласная Наталья Степановна, сидящая между нами, являлась весьма ощутимой стеной. Все же Павел обратился к Марте, протолкнув свою просьбу поперек летящих между спорщиками стрел:

– Милая Марта, все забываю тебя попросить. Не поговоришь ли ты со своей учительницей, с той, которая налетела на нас на своем велосипеде в Комарово...

– Колбаса была по два двадцать! – очередная стрела бухгалтерши летела через столик на Бориса.

– С учительницей информатики, с Яной?

– Вот именно. Кстати, как она поживает, без худых последствий?

– Тогда в магазинах были пустые полки, а сейчас в самом захудалом ларьке двадцать сортов колбасы! – не уступал всезнающий Борис, лично не сделавший ни единой покупки. – На любой вкус!

– С Яной все в порядке. Она здорова, продолжает работать.

– Об этом я и хотел поговорить. Ты, помнится, рассказывала, что она матмех закончила?

– И учебники в то время стоили копейки, и другие книги были людям по карману!

– Разве тогда вообще были книги? Все под запретом!

– Да, у нее красный диплом университета.

– Не согласится ли она помочь мне столкнуть контрольные работы по математике в институте?

– Ты невыносим, Борис!

– А ты, Наташа, абсолютно не способна думать самостоятельно. Повторяешь за недалекими людьми их штампованные аргументы!

– В каком институте? Как интересно! Паша, ты что, второе высшее получаешь?

– Да. В институте Менеджмента. Решил стать управленцем. Не век же мне помогать дамочкам от животиков избавляться!

– Я поговорю с Яной, она влюблена в математику и информатику, думаю, сможет тебе помочь.

Наталья Степановна вдруг вынырнула из дебрей спора с Борисом, резко приблизилась к Павлу, обняла его за плечи, затем дернула головой в сторону Марты:

– Стоп, Марта. С этого места еще раз. О ком речь? Кто «влюблена»?

Марта в растерянности пожала плечами:

– Я говорила о нашей общей с Пашей знакомой, об одной учительнице, о том, что она любит свой предмет.

– Общей знакомой? Где? Когда ты ее видел? – Наталья Степановна на миг метнула взгляд на Павла, пригрозила ему пальцем и снова впилась взглядом в Марту. – Она хороша собой, эта учительница? Сколько ей лет?

Павел нахмурился и, сняв со своего плеча руку подруги, чуть отодвинулся от нее:

– Не надо, солнышко, не затевай скандал. Этот совсем не тот случай, чтобы ревновать. Ты же, знаешь, что я не силен в математике. Мне, действительно, нужна помощь.

– А я не слишком уверена, что тебе вообще нужен второй институт. Это просто блажь. Ты специально придумал себе учебу, чтобы пореже со мной встречаться.

– Киса, ты сама знаешь, что это не так! С новым дипломом я начну новую жизнь, ты же требуешь, чтобы я сменил работу.

– Я говорю только о девицах, которых ты лапаешь когда надо и не надо, и говорила, чтобы ты шел тренировать детей. А для этого твоего диплома достаточно.

Наталья Степановна вертела головой, обращая взгляд то к Паше, то к Марте – ее вишневые локоны метались из стороны в сторону:

– Марта, так эта учительница – молода?

– Чуть помоложе меня. Но, если бы вы, Наталья Степановна, знали ее, вы поняли бы, что она абсолютно безвредна для вас. Она не охотится за мужчинами, и вообще она очень серьезная девушка.

– Она и вообще – не девушка, ты только посмотрела бы на нее! – обрадовался поддержке Павел. – Ходячая теорема!

– И все-таки, Марта! Настоятельно прошу: найди для занятий с Пашей учителя-мужчину или хотя бы пенсионерку. Надеюсь, такие имеются в вашей школе?

Наталья Степановна отклонилась к спинке дивана, закинув ногу на ногу – острый носок ее багровой туфли-торпеды закачался у края столика. Марта, задумавшись, перебирала в памяти знакомых преподавателей. Пока она подыскивала ответ, Паша вдруг воспротивился унижительной опеке своей подруги – возможно, снисходительная улыбка Бориса сыграла тут не последнюю роль – голос его окреп:

– Извини, Наташа! Я оплачиваю свою учебу сам и сам буду решать учебные проблемы. – Павел перевел взгляд на Марту. – Меня устроит именно это учительница Яна. Переговори с ней!

– А я запрещаю Марте делать это! – взвизгнула Наталья Степановна, взмахнув ногой.

Багрово-красная торпеда тут же выстрелила и поддала вверх столешницу журнального столика. Рюмки и бутылки на столике вздрогнули, и одна из них, из которой пила как раз виновница инцидента, упала и разбилась. Но разъяренные любовники, не заметив этой мелочи, продолжали кричать, то обвиняя друг друга, то взывая о помощи. Марта остудила их пыл:

– Разберитесь, друзья, между собой. Придете к соглашению, продолжим разговор, – она встала с дивана, приблизилась к коляске Бориса и поправила плед у него на ногах. Он все это время с грустью молчал, продолжая потягивать из бокала бледно-зеленый тоник.

В конце концов Павлу удалось-таки убедить подругу смириться с тем фактом, что иногда решения принимает он сам, а с Марты взял обещание переговорить с Яной.

К всеобщему удовольствию, скоро из кухни вернулась Софья Иосифовна. Она закончила приготовления к чаю и пригласила гостей пересесть к большому столу, попробовать ее пироги. Все охотно покинули овальный диванчик и переместились на новые места. На этот раз Марта устроилась подальше от Натальи Степановны, сев между хозяйкой дома и Борисом. Она теперь только ему уделяла внимание, то предлагала кусок маминого пирога, то подкладывала второй кружочек лимона. В ответ он несмело положил ей на колено руку. Марта ощутила волну мужского интереса к себе и с наслаждением окунулась в нее. О недавнем эксцессе она моментально забыла. Только Наталья Степановна до окончания вечера просидела с насупленным видом, несколько старящим ее ухоженное лицо.

* * *

До Нового Года и начала сессии оставались считанные дни, когда Павел, сложив в папку все нерешенные задания по математике, отправился за помощью к Яне. Он легко отыскал нужный дом в Фонарном переулке, поднялся по крутой лестнице на последний этаж, позвонил в обшарпанную дверь коммунальной квартиры. Марта и Яна вышли открыть дверь одновременно – сбившись при подсчете звонков. Обе хлопотали вокруг него в коридоре, помогая раздеться. Под курткой на Павле оказалась только футболка с коротким рукавом. Она выгодно облегла его тренированный торс, но была легка не по сезону.

– У меня в комнате не жарко, – заметила Яна. Сама она была в сером, толстой вязки свитере, спадающем ниже бедер.

– «Ой – ой – ой, мама родная, а вода в Неве холодная», – пропел Павел песенку питерских моржей. У него напрочь отсутствовал деловой настрой. – Куда проходить, госпожа учительница?

Опережая ответ Яны, Марта воскликнула:

– Ребята, давайте сначала ко мне, выпьем чайку, а потом начнете заниматься!

Но Яна, открыв дверь своей комнаты, возразила:

– Делу время – потехе час. Чаепитие отменяется. Проходите, Павел, сюда.

Марта ретировалась к себе, повторив, однако, что ждет их после занятий. Она задумала свести ближе весельчака-инструктора и свою подругу, потому что Борис убедил ее, что Наталья Степановна и Павел – не подходящая пара. Чтобы заполнить время, пока за стеной идет урок, Марта достала вышивку – старинное занятие вновь входило в моду – и села с ней на диван. Музыку на сей раз она включать не стала, опасаясь помешать занятиям в соседней комнате.

Яна, уступив Павлу свое место за письменным столом, присела сбоку.

– Не будем терять время, Павел. Итак, сколько заданий нам надо выполнить и к какому сроку?

Марта, протыкая ткань иголкой, прислушивалась, что происходит за стеной.

Павел порылся в папке, достал несколько листов и выложил их на стол. Сказал, что сдать решения следовало еще вчера, но он надеется, что препод не будет столь суров и примет у него работу чуть позже.

– Не думаю, что мы сможем освоить материал за такой короткий срок. Разве что, у вас феноменальные способности, в чем я сильно сомневаюсь. Вот что: постройте-ка мне параболическую функцию.

Павел удивленно заморгал, потом откинулся на спинку стула, выпитив накачанную грудь, обтянутую белоснежным трикотажем:

– Что-то я не понимаю, госпожа учительница! Вы предлагаете мне, самому, построить функцию?

– Если будут затруднения, я помогу.

– Но ведь мы договорились по телефону, Яна, что ты сама выполнишь все эти задания, а мне потом растолкуешь, что и как. Кстати, твою челочку лучше немного отвести набок, так будет лучше, – Паша потянулся рукой к волосам Яны, но она грозно сверкнула глазами.

– Прекратите, Павел. Я не давала вам никаких обещаний. Запомните: я никогда не делаю задания за других. Это мой принцип. Я работаю, как репетитор. Я готова объяснить и раз, и десять, но решать задачи мои ученики должны сами. Мне кажется, что по телефону я сказала об этом довольно ясно.

– Ну, извини, не понял. Только сейчас поздно учиться решать. Мне сдавать работу надо. Давай договоримся, на этот раз я получаю готовые решения, а потом будет, как ты скажешь. Кстати, у тебя музыка есть? А то без ритмичной аранжировки мне плохо думается.

Марта, услышав через стену просьбу Павла, подпрыгнула на диване, и рука ее потянулась к полке с кассетами, однако она осадилась – вряд ли Яна скажет ей спасибо.

Павел продолжал музыкальную тему:

– Ты какую музыку любишь: поп, кантри... Нет, погоди. Тебе, конечно, классику подавай.

Марта мысленно похвалила Павла за активность и повернула голову к двери, ожидая, что Яна сама сейчас забежит к ней за магнитофоном или пришлет Павла. Но Яна резко пресекла попытки ученика увильнуть от занятий:

– Музыку я вообще не терплю. Смотрите сюда, Павел: парабола строится так...

– Да-а, диагноз серьезен, музыку ты не любишь, – пропуская слова о параболе, протянул Павел и вдруг, с озорной усмешкой, предложил, – может, тогда телесными упражнениями займемся? Я такой трюк знаю! Хочешь, научу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.